

Владислав КАРТАВЦЕВ

ФАКУЛЬТЕТ

КУРС ЧЕТВЕРТЫЙ

Факультет

Владислав Картавцев

Факультет. Курс четвертый

«Accent Graphics communications»

2018

Картавцев В.

Факультет. Курс четвертый / В. Картавцев — «Accent Graphics communications», 2018 — (Факультет)

«Факультет. Курс четвертый» – новая книга, повествующая об учебе на странном и необычном факультете «Факультете изучения трансцендентных состояний» при МГТУ им Н. Э. Баумана. Учеба продолжается, опыт «мистики и магии» растет, и приключения, и новые знания не заставят себя ждать. И Кирилл Раевский – главный герой – готов окунуться в них с головой. Встречайте новый роман, и я уверен – он не покажется вам скучным!

© Картавцев В., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Часть первая. Половина пути пройдена	5
Глава первая. Как будто и не было каникул	5
Глава вторая. Новые предметы, старые преподаватели	13
Глава третья. От кризиса никуда не деться. И выборы не за горами	21
Глава четвертая. Шаг навстречу	29
Глава пятая. Союзники	37
Глава шестая. Первое знакомство	44
Глава седьмая. Новая роль	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владислав Картавцев

Факультет. Курс четвертый

Часть первая. Половина пути пройдена

Глава первая. Как будто и не было каникул

В этом году первое сентября выдалось роскошным. На голубом небе не было ни одного облачка, солнышко прямо с утра заливало всё мягким добродушным светом, и даже спешащие машины (много машин) ревом моторов и постоянным свирепым бибиканием не могли испортить настроения.

В городе царило всеобщее оживление. Повсюду стояли усиленные полицейские наряды, дети с цветами в сопровождении родителей стекались к школам со всех сторон, звучали музыка и громкий смех. И Кирилл, глядя на этот праздник жизни, внезапно остро почувствовал: он бы с удовольствием снова вернулся в первый класс. А еще лучше – в младшую группу детского сада. К игрушкам, завтракам-обедам и сончасу с 14-00 до 15-30.

Ночь с 31 августа на 1 сентября он провел дома – хотя правилами предусматривалось его пребывание в общежитии. У Кирилла сильно заболела мама, и он отпросился у Толкачева. Не сказать, что он мог что-то специальное сделать для мамы (того, чего не сделали врачи), но считал: он обязан быть рядом – вдруг понадобится на подхвате? И замдекана пошел ему навстречу – не задавая дополнительных вопросов, только осведомившись – планирует ли Кирилл ходить на занятия. Кирилл, конечно, планировал.

С утра, убедившись, что кризис миновал (температура спала, и мама явно пошла на поправку), Кирилл поспешил в университет. Доехал до станции «Бауманская» и влился в плотный студенческий поток, состоящий почти на 100 % из «козерогов». Козероги бежали на учебу – как-никак, первый день, и нужно прийти всем. Ну, или почти всем.

В отличие от первокурсников, Кирилл совсем не торопился. Ему было приятно прогуляться и вспомнить, как и он три года назад спешил 1 сентября в университет. Правда, в отличие от студентов, идущих пешком, его подвез папа на машине, но принципиального различия в этом нет. Потому что неважно, каким способом ты добираешься – важно, какие ощущения ты при этом испытываешь.

– Извините, можно пройти? – Кирилл услышал позади тонкий девичий голосок и посторонился, освобождая место. Дорожка здесь сужалась, а он не собирался своей «широкой спиной» задерживать движение. Он проследил взглядом, как мимо него проскользнула целая стайка оживленно болтающих нарядных девчонок с горящими от возбуждения глазами, и поймал себя на мысли, что смотрит вокруг, как умудренный опытом (хорошо, что не «побитый молнией») ветеран. И второй раз за утро ему захотелось вернуться в далекое детство, которое, увы, ушло навсегда.

«Детство, детство, ты куда бежишь?
Детство, детство, ты куда спешишь?
Не наигрался я еще с тобой,
Детство, детство, погоди! Постой!

А я хочу, а я хочу опять
По крышам бегать, голубей гонять,

Дразнить Наташку, дергать за косу,

На самокате мчаться по двору...», – продекламировал негромко Кирилл и отдельно отметил: – Сегодня я прямо сгусток меланхолии и концентрат жалости к самому себе. Давненько такого не было. Осень что ли виновата? Или тот факт, что я не спал почти всю ночь? Или тот факт, что половина учебного пути уже пройдена, и остались только воспоминания? Да и те уже пересмотрены?

Кириллу никто не ответил. Да и кто, собственно, мог ответить – внутренний голос? Примерное так:

– *Голос, голос, подскажи, да всю правду расскажи!*

– *Кто ты такой, и что тебе от меня нужно?*

– *Я – твой хозяин и требую ответа!*

– *А, ну тогда понятно. И о чем же хозяин изволит спросить?*

– *О том, что со мной происходит. Что это?*

– *Да ничего особенного. Осенняя депрессия, общее кризисное настроение в стране и отсутствие перспектив служебного роста.*

– *И какое это отношение имеет ко мне? Депрессией я не страдаю, перспективы у меня замечательные (и кстати, некоторые из них уже даже реализованы), а на кризисные настроения мне плевать, поскольку телевизор я не смотрю и вообще – большую часть жизни погоняю сам на сам: на учебе и в общаге. И еще в загоне у Шербеня, где меня заставляют смотреть черт знает на что.*

– *Вот именно, вот именно. Я это и имел в виду. Ты чувствуешь, что ты сам себе не принадлежишь, ты достоин лучшего, а занимаешься непонятно чем.*

– *Постой, погоди! Я этого не говорил, напротив – меня всё устраивает. И я уверен, что дальше будет лучше.*

– *Ну, это вряд ли. Я бы посоветовал тебе снять розовые очки и посмотреть на мир широко открытыми глазами. Ты же знаешь основной принцип любой психологической терапии: правда, правда и только правда! А правда – она сурова, правда – она непривлекательна и разъедает человека постепенно. Разъедает изнутри, разъедает так, что потом и не согласишься до первоначального состояния.*

– *Да ну тебя, голос! Несешь какую-то ахинею, и я уже стал забывать, что хотел спросить. Пора прекратить сей бесперспективный диалог-монолог, а тебе поставить двойку за из рук вон плохо выполненное задание.*

– *Вот именно, что двойку. Двойки – это твоя ближайшая перспектива, сил так же упорно учиться, как и раньше, у тебя уже нет. И задора молодецкого нет, и внутренней мотивации. А нагрузка предстоит нешуточная, имей в виду. И никто тебя от обязанности оставаться отличником не освобождал...*

– А ведь голос прав, – Кирилл дернул головой, – по крайней мере, наполовину прав. Я не чувствую в себе силы снова спуститься в учебно-трудовой забой, спуститься по-стахановски. И предстоящая запредельная нагрузка меня пугает. Снова корпеть над курсовиками и ДЗ, совмещающая инженерную специальность с факультетскими занятиями? По крайней мере, сейчас это кажется мне весьма затруднительным. Поэтому для поднятия морального духа срочно нужно съесть мороженое. А мороженое продается в университете в буфете – и в такое время нигде более. Замечу – это серьезное упущение в области городских рыночных отношений. Согласно рыночной теории, спрос диктует предложение. И что я вижу 1 сентября 2017 года? Массовый спрос в моем лице на мороженое имеется, а предложения нет...

* * *

– Так, – Кирилл остановился напротив расписания, висевшего перед деканатом. – Что новенького?

Понедельник:

История оптики (лекция)

Источники и приемники излучения (лекция)

Физические основы лазеров (лекция)

Вторник:

Военная кафедра на целый день

Среда:

Проектирование оптико-электронных приборов (лекция)

Экономика (лекция)

Физические основы лазеров (лекция)

Четверг:

Численные методы в оптике (лекция)

Численные методы в оптике (лекция)

Численные методы в оптике (семинар)

Пятница:

Теория оптико-электронных систем (лекция)

Теория оптико-электронных систем (лекция)

Теория оптико-электронных систем (семинар)

Суббота:

Источники и приемники излучения (семинар)

Физические основы лазеров (семинар)

Экономика (семинар)

История оптики (семинар)

– Блин! – Кирилл застонал. – Я же совсем забыл о военной кафедре – вот я балбес! И, конечно, никому не скажешь, что я типа уже военный и типа уже старший лейтенант. Кстати, мне интересно. После окончания военной кафедры я должен получить звание лейтенанта запаса, а могу ли я иметь сразу два звания – от ФСБ и от армии? А если могу, то какое главнее? Но – кроме шуток!

Кирилл вынул из кармана блокнот и сделал отметку: обязательно прояснить данный вопрос у Щербеня – может быть, его освободят от необходимости заниматься на военной кафедре? Ведь парадокс получается, коллизия. А времени на разрешение коллизии нет совсем – сегодня пятница, а первые занятия уже во вторник.

– А, может быть, для начала справиться в деканате? Раскрыть карты, всем объявить, что я действующий секретный офицер ФСБ, и стать через три года лейтенантом ПВО – рылом не вышел? – пробормотал Кирилл вполголоса, развернулся и заспешил в сторону аудитории, в которой через пять минут лектор начнет читать курс теории оптико-электронных систем. – Вот будет потеха, прости господи! Замдекана выпучит глаза, потом побледнеет, начнет пере-

бирать бумажки на столе и наконец выдаст: «Кирилл, ну зачем ты мне это сообщил? Я жила себе спокойно, ничего не знала и не ведала, никак не была связана с вашей повышенной секретностью, а что теперь? Теперь мне нужно отправить телефонограмму в ректорат – фельдшерской связью. И ждать, когда за самоуправство мне голову открутят. И что я тебе по жизни плохого сделала – зачем ты со мной так поступаешь?» А потом начнет заикаться, покраснеет и разродится свежим рэпчиком:

Что я тебе сделала?
Что натворила?
Ведь я же тебе верила,
Я тебя боготворила.

Я считала тебя джентльменом –
Потомственным, до сорок восьмого колена,
А ты оказался пустозвоном,
Не знающим ценности данного слова.

Ну, кто просил тебя
Рассказывать мне всю эту крамолу?
Как мне теперь дотянуть до конца рабочего дня,
Нормально дотянуть – без карвалола?

Что прикажешь делать мне,
Чтобы не оказаться на социальном дне?
Звонить ректору или выше сразу звонить?
Ведь за знание таких подробностей могут и из пулемета
застрелить.

Ты подумал обо мне?
Теперь я, благодаря тебе, в дерьме.
И не знаю, как выбраться оттуда
И как отмыться, дерьма ведь – как от упитанного верблюда.

Так что давай уж, дорогой,
Вали отсюда, и больше в деканат – ни ногой,
А в качестве мести лютой, злой,
Оставлю тебя по итогам сессии на год второй.

А еще лучше – сразу пинком под зад,
Чтоб знал, как подставлять замдекана, как подставлять в целом
деканат,
Как подставлять университет в целом,
Подставлять целенаправленно, подставлять умело.

Как глумиться над старшим поколением,
Глумиться умело, ломая стереотипы через колено с
остервенением,
Глумиться с глумливой улыбкой на роже,
Вот после пинка под зад осознаешь, что тебе дороже:

Быть среди нас,
Быть рядом,
Или быть забытым легионом народных масс,
Быть разорванным человеческого гнева фугасным снарядом.

А потому что справедливость – она одна,
Она осязаема, она видна,
А ты не достоин справедливости вообще,
Доживай же век в немилости, в убогой парше!

– Стоп, хватит! – Кирилл зашел в аудиторию и проследовал на задний ряд – его излюбленное место. – Хватит визуализировать с ответом замдекана – контрпродуктивно, и, кроме того, мысленный диалог зашкаливает. А мысленный диалог – это то, с чем я по долгу службы обязан бороться изо дня в день. Иначе *видеть* не смогу, и внешние и внутренние враги государства возопят от радости.

Кирилл кинул сумку на парту и осмотрелся: из всех трех групп в аудитории находилось человек пять – не больше. А ведь, насколько он слышал, история оптики – предмет совсем непростой, а преподаватель (вернее, преподавательница) – очень серьезная дама и крайне ревностно относится к посещению своих лекций.

– Думаю, она с первой же минуты возьмет быка за рога, и берегитесь, ленивые! Как пить дать, устроит перепись присутствующих, а тех, кто пропустил, застрашает до смерти. Дескать: «Зачет-экзамен-курсовую-работу вы мне не сдадите никогда». – Кирилл вынул из сумки ручку, тетрадку и прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Никого не волнует, что он не выпался – лекции отсидеть придется, а потом еще выдержать целый длинный день на Факультете.

В аудиторию вошла лекторша и представилась. И конечно, сразу отметила в блокноте фамилии тех, кто пришел, по группам:

– Что ж, поздравляю вас, – меланхолично продекларировала она, – первый шаг к допуску на экзамен вы сделали. Чего не скажешь о ваших безответственных товарищах, которые непонятно почему решили, что могут игнорировать мои занятия. Передайте им, что они совершили огромную ошибку, и ошибка может стать роковой. Ну, а теперь – за работу!

Краткий обзор

История оптики неразрывно связана с естественнонаучными и философскими работами мыслителей древнего мира.

Первые инструменты для оптических исследований появились в результате наблюдений за тенью, отбрасываемой предметами, за отражением и преломлением света в драгоценных камнях, в воде или во льду, опытов, сделанных с помощью линз и зеркал в Древнем Египте и государствах Месопотамии.

Мысли, гипотезы и теории древних учёных, связанные со зрительными наблюдениями, были развиты древними греческими и индийскими философами, и особенно следует выделить развитие геометрической оптики в греко-римском древнем мире. Кстати, слово «оптика» – именно греческого происхождения, оно связано со зрением.

Наука об оптике была серьезно дополнена открытиями в средневековом исламском мире (были сформулированы принципы физической и физиологической оптики) и затем получила дальнейшее развитие в ранней Европе, где началась дифракционная оптика. Эти исследования оптики теперь известны как классическая оптика...

...Самые ранние известные линзы были сделаны из полированных кристаллов, часто из кварца. Их датируют приблизительно тысяча двухсотым годом до нашей эры – это асси-

рийские линзы. Есть много подобных линз из древнего Египта, Греции и Вавилона. Древние греки также заполняли стеклянные колбы водой, чтобы получить линзы (однако, к примеру, в европейских странах о стеклянных линзах не знали вплоть до средневековья).

В древней Индии философские школы Шакья и Вайшешика приблизительно с шестого-пятого столетий до нашей эры развивали теории о свете. Согласно школе Шакья, свет – один из пяти фундаментальных «тонких» элементов, из которого появляются все остальные элементы в конечном варианте.

– А кто-нибудь из вас знает философские постулаты школы Вайшешика? – неожиданно спросила преподаватель с широкой улыбкой на лице. – И вообще, кто-нибудь из вас слышал о таковой? Ну?

Кирилл поднял руку:

– Я знаю.

– Отлично! Вы, – преподаватель сверилась со списком студентов, присутствующих на лекции. – Вы Кирилл Раевский, правильно?

– Да, правильно. Школа Вайшешика исповедовала атомистическую теорию физического мира на «неатомном основании эфира, пространства и времени». Так называемые «основные атомы» – из земли, воды, огня и воздуха. Их не следовало путать с обычными значениями этих элементов.

Философы школы Вайшешика утверждали, что именно из основных атомов происходят «двойные молекулы», которые далее объединяются, чтобы сформировать большие молекулы, и приводили массу примеров, чтобы наглядно доказать свои утверждения. Например, солнечные лучи они отождествляли с основными огненными атомами, которые (как и огонь в целом) «очень быстрые», и поэтому солнечный свет распространяется очень быстро.

Кирилл замолчал и, сдерживая эмоции, посмотрел на лектора. Лектор имела слегка обалдевший вид:

– Что ж, впечатляет, – произнесла она через несколько секунд. – А если не секрет, откуда такие знания? Я спрашиваю потому – потому что уверена: девяносто девять и девять в периоде процентов студентов и слухом не слыхивали о Вайшешика – и о Шакья тоже, кстати.

– Ну, я читал, – пожал плечами Кирилл. – Люблю читать о древних временах. В частности, об Индии. В древней Индии существовали масса философских школ, и вообще – они были очень, очень продвинутыми в науках и философии. Продвинутые для той эпохи, конечно.

– Хорошо! – преподаватель кивнула, и Кирилл сел на место. – Продолжим. Отрадно слышать, что еще кто-то любит читать, а не целыми днями пялиться в смартфон или в планшет.

Итак, в пятом столетии до нашей эры древнегреческий ученый и философ Эмпедокл постулировал и о лучах солнца, и о человеческих глазах в контексте философского течения Вайшешика: «Всё составлено из четырех элементов: огонь, воздух, земля и вода». Он полагал, что Афродита создала человеческий глаз из этих четырех элементов, и что она зажгла огонь в глазу, который «светил из глаза, обеспечивая человека зрением».

В своем знаменитом труде «Оптика» древнегреческий математик Эвклид писал, что «вещи, замеченные под большим углом, кажутся больше, те, которые замечены под меньшим углом – меньше, в то время как под равными углами кажутся равными». Далее Эвклид связал очевидный размер объекта к его расстоянию от глаза и исследовал очевидные формы цилиндров и конусов, которые рассматривал под различными углами.

После падения Греции под ударами римлян последние с великой прилежностью принялись изучать труды греческих ученых, привнесли в них много нового и дополнили их знаниями. Например, был такой ученый Лакретиус. Он являлся поклонником греческих атомистов и развивал их идеи. Он писал: «Свет и высокая температура солнца; они составлены из мелких

атомов, которые, когда они столкнуты, не теряют никакого времени в стрельбе прямо поперек интервала воздуха в руководстве, переданном вспышкой...»

– Кто-нибудь из вас интересуется историей Древнего Рима? – преподаватель снова прервалась, и Кирилл сделал для себя вывод, что такова ее методика чтения лекций. Преподаватель не дает студентам уснуть, вовлекает их в разговор, переключает внимание с одной темы на другую. С точки зрения эффективности подачи материала и его восприятия – очень даже неплохо.

– Товарищ Раевский? – лектор посмотрела на Кирилла. – Вы как – интересуетесь?

– Да! – Кирилл вновь поднялся с места (вроде, говорить сидя – не очень хорошо). – Некоторыми аспектами жизни древних римлян.

– А если не секрет, какими?

– В основном мистическими, эзотерическими и религиозными.

– Очень необычный выбор, на мой взгляд, – лектор улыбнулась. – Но, как говорится, каждый выбирает материал по душе. А про Лакретиуса что-нибудь читали?

– Нет, ничего.

– Вот и отлично. Тогда для вас всех первое задание – пойти в библиотеку и написать небольшой реферат о сём ученом муже. В интернете можете не искать – там ровным счетом ноль. А вот в «Ленинке», вернее в бывшей «Ленинке», ныне – Государственной российской библиотеке – наверняка, что-то найдется. Страницы две-три машинописного текста хватит, я думаю...

* * *

– Ну что, Кирюха, как отдыхалось? – Кирилл вздрогнул от неожиданности, когда сзади раздался знакомый голос Селивана, и кто-то (судя по всему, именно Селиван) хлопнул его по плечу.

– Нормально! – он повернулся и пожал руки «сладкой парочки Бивиса и Баттхэда», как он их про себя называл. – А что это вы здесь делаете в такое время, 1 сентября, и в такой ранний час? Вы что, решили начать учиться по-взрослому?

– Да ты чё, крышей поехал? – Урман громко заржал и ткнул локтем Селивана в бок. – Слышь, кукуруза, Кирюха прикалывается. Решил, что если он ботан, то и все остальные должны быть тоже ботаны.

– Да не, – лениво протянул Селиван, – мы же понимаем, что наш Кирилл так шутит. Видишь ли, друже Кирюха, мы здесь решаем вопрос – как бы продолжить учебу.

– В смысле?

– В смысле, нам дали еще неделю, чтобы закрыть последние сессионные хвосты – по блату дали, кстати. Лично с замдекана договаривался – и вот за эту кукурузу тоже. Да, кукуруза?

– Ага. Сегодня зачет сдаем. На кафедре. Через час.

– Ну вы лапти! – усмехнулся Кирилл и взял поднос у стойки раздачи (они встретились в студенческой столовой, куда Кирилл зашел перекусить на длинной перемене). – А вам, парни, вообще бауманское образование зачем? Вы же всё равно работать по специальности не собираетесь. Да и не возьмет вас никто – вы же не знаете, с какой стороны к формулам подходить.

– А нафига нам формулы? – Селиван плотоядно проводил взглядом сексапильную студентку, сфокусировав взгляд ниже спины. – Какой от них прок-то от формул? Ты телевизор вообще смотришь? Ты там, в телевизоре, разве видел кого-нибудь, кто хоть формулу энергии Эйнштейна знает? Я, например, ни разу таких не видел – всё сплошь ворье, барыги и педики! Да кукуруза?

– Угу. – Урман потянул носом и закашлялся. – Учеба – это отстой. Я думаю, после того как диплом получу, в армию податься. Или в ментовку. А чё? Нормально. Думать не надо, ходи себе на службу и только звания успевай получать. Бабло платят реальное, ипотека на халяву, пенсия супер. Плюс, если в ментовку попадешь, на карман можно левак шинковать – ну там, проститутток крышевать или мафию. А ученые? Вот кто отстой! Горбатиться за три копейки, ходить в рваных свитерках и в башмаках «Прощай молодость» – да ну нафиг. Да, кукуруза?

– Точно! – Селиван презрительно сморщился (такое чувство, что и всем телом тоже). – Хотя лично я думаю, что менты и военные – это отстой. Нужно сразу становиться миллионером – да и все дела.

– Интересно, каким же образом ты им станешь? – Кирилла разобрал смех. – Тем более сразу?

– Придумаю что-нибудь. Идей кругом – пруд пруди. Вот, например. Займусь выращиванием крокодилов. Ну, чтобы кожу крокодилей получать и из нее сумки шить. Или типа башмаки. Ну, или тачки изнутри крокодилей кожей обшивать. Ты знаешь, Кирюха, сколько стоит мерс, обшитый изнутри крокодилей кожей? Знаешь?

– Нет. – Кирилл мотнул головой. – Но уверен, тысяч пятьдесят долларов, никак не меньше.

– Эх ты, серость! – Селиван выставил на поднос сразу четыре стакана компота, и стало понятно – его мучает сушняк. После вчерашнего перепоя. – Пятьдесят тысяч баксов нынче самокат приличный стоит, а мерс с крокодилом – под лимон. Я сам ценник видел. Там еще двигло на тысячу лошадей, кузов карбоновый, все дела. Классная тачка девчонок возить. У меня обязательно такой будет. А у тебя – нет. Ты, Кирюха, пойдешь горбатить инженером куда-нибудь на завод и станешь носить носки за тридцать рублей. И жена у тебя будет толстая, некрасивая и бедная. А всё потому, что отличник.

– Вот вы придурки! – Кирилл рассмеялся и подумал про себя, что, вероятно, стать инженером ему уже не грозит. – Расскажите лучше, как много в общаге нынче бухают и как часто?..

Глава вторая. Новые предметы, старые преподаватели

– А нам снова всю программу перекроили! – такими словами встретила Кирилла Наталья (как только обнаружила его в холле общежития четвертого курса). – А ты выглядишь не очень. Совсем не очень. Проблемы?

– Да так. Мама заболела, всю ночь скакали вместе с отцом.

– Что-то серьезное?

– Нет, вроде. Доктор сказал ОРЗ, но температура выше сорока была, тошнило – в общем, маята. Но сейчас уже ничего, слава богу. Я у Толкачева отпросился, он мне разрешил в порядке исключения дома пожить. Но сегодня уже в общежитии буду ночевать – нужно в учебу постепенно втягиваться. Так что ты там сказала насчет расписания? Надеюсь, в этом году Ивановской у нас не будет?

– Ага, раскатал губу! Будет и еще как. Я уже начинаю думать, что она нас до диплома пасти станет – чтобы лишний раз не расслаблялись. Короче, вот тебе расписание, знакомься:

Кирилл взял протянутый Натальей листочек:

– Программу, говоришь, перекроили? Ну, это не новость. У нас каждый год что-то меняется, и, по-моему, уже никто не помнит, что нам обещали на первом курсе. Типа: «Вы будете изучать то-то и то-то, мы вам гарантируем!». А по факту оказывается, что все предметы перепутаны, расписание составляется на ходу, и преподавателей зачастую меняют в середине семестра. С другой стороны, если заранее всё знать, будет совсем не интересно. Что у нас там?

Понедельник 14-30 – 19-05

РНД Лекция 14-30 – 15-55

РНД Лекция 16-05 – 17-30

КРС Лекция 17-40 – 19-05

Вторник 14-30 – 19-05

ИП Лекция 14-30 – 15-55

КРС Лекция 16-05 – 17-30

ФЗ (71С7) 17-40 – 19-05

Среда 14-30 – 19-05

ПМ Общая 14-30 – 15-55

ПМ Индивидуальная 16-05 – 17-30

КРС Семинар 17-40 – 19-05

Четверг 14-30 – 19-05

РСИП Лекция 14-30 – 15-55

РСИП Лекция 16-05 – 17-30

ФЗ (71С7) 17-40 – 19-05

Пятница 14-30 – 19-05

ПМ Индивидуальная 14-30 – 15-55

РСИП Семинар 16-05 – 17-30

ФЗ (71С7) 17-40 – 19-05

Суббота 14-30 – 19-05

РНД Семинар 14-30 – 15-55

ИП Семинар 16-05 – 17-30
ФЗ (71С7)17-40 – 19-05

– Отлично! – Кирилл усмехнулся. – А теперь, пожалуйста, будь добра – расшифруй новые, странные, незнакомые мне аббревиатуры РНД, ПМ, РСИП.

– РНД – «Религия в наши дни». Так называется предмет, и, как ты сама понимаешь, ведет его Ивановская. С чем я всех нас и поздравляю. ПМ – «Погружение в магию». Я предполагаю, что это – некий аналог МЦ, то бишь «Медиации», что была у нас на третьем курсе. Ну, а РСИП – «Разумные Существа Иного Плана». Предмет таинственный, и, как ходят слухи, именно на нем нам будут давать подробную технику взаимодействия с инопланетянами.

– Круто! – Кирилл даже присвистнул. – Подожди, я что-то такое вспоминаю. Разговор с первого курса – мы тогда сидели в столовой с Варей и обсуждали ее приятеля с четвертого курса. Как там бишь его? А, вспомнил! Семён. Варя была им сильно увлечена, но потом они как-то резко расстались. Вот слушай:

– Наверное, ты слишком высокого мнения обо мне, – Кирилл невольно смутился, – может быть, в каких-то аспектах у меня получается немного лучше, но, например, в классической медитации мне за тобой не угнаться никогда. Меня сразу уводит в сторону – в неведомые дали – а так, чтобы сидеть, как Будда Бесконечного Света, у меня не получается.

– Может, тебе и не надо, – Варя явно была польщена тем, что Кирилл поставил ее в пример, – может, ты – чистый практик, последователь не буддистских традиций, а шаманов древней Мексики. Те тоже предпочитали действие, предпочитали изучать далекие миры и путешествовать в бесконечности. Ведь сидеть в медитации – это не самоцель. Медитация – это спусковой механизм для чего-то большего. Шлюз, через который мы можем пронзать пространство.

– Хорошо, что ты так думаешь, – Кирилл немного взбодрился, – вот бы твои слова – да в уши Альбе! А то, боюсь, она мне трояк закатает за экзамен. Или и вовсе – банан. Вот я посмеюсь.

– Да ну, – Варя громко фыркнула – у тебя конкретная измена. Кушай, цветик, не бойся – никто не в силах отобрать у тебя повышенную стипендию.

– Ладно ты, – Кирилл внезапно обратил внимание, что в столовую вошел Семён, – смотри, вон твой знакомый – судя по его внешнему виду, жутко чем-то недовольный. И я даже знаю, чем. Недоволен, что ты со мной. Кстати, как он в магии? Продвинутый?

– Трудно сказать, – Варя покосилась на Семёна и отвела взгляд, – наверное, да, если учится на четвертом курсе. Только знаешь, его энергии при должном рассмотрении – очень тяжелые и мрачные. Он кажется веселым балагуром, душой компании, но с ним нужно все время держать ухо востро. И вообще – весь их курс особенный. После знакомства я пробовала увидеть их всех (в качестве тренировки) и пришла к выводу, что они сильно отличаются от нас. И девушки, и парни.

– Интересно! – Кирилл уже покончил со вторым и налег на компот с пирожным. – И чем же отличаются?

– Да всем. – Варя заговорила быстро-быстро. – Чем, например, валуны отличаются от бабочек? Валуны не летают, они тяжелые, они лежат и пребывают в своем мире, напитываясь солнечными лучами летом и промерзая зимой. И живут тысячи лет. А бабочки – всего несколько недель, зато ярко и свободно.

– Однако у тебя ассоциации, – Кирилл от удивления даже не донес пирожное до рта, – никогда не думал, что в тебе столько романтики и образного мышления.

– Отстань ты со своим мышлением, – Варя надулась, – и слушай, что тебе говорят. Они и в самом деле – как тяжелые камни. Я по секрету узнала, что вся их группа обучается по

отличной от нас программе. Вернее, они выбрали особую специализацию на третьем курсе и за полтора года так изменились, что теперь и находиться рядом с ними подолгу невозможно.

– Но ты же находилась?

– Да, – Варя сдвинула брови и крепко сжала руки в замок, – да, находилась! Некоторое время, – добавила она негромко. – Но потом почувствовала, что больше не могу. Вот так-то.

– Странно все это. Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается. В преф сегодня играть будешь?..

– Ну? – Наталья явно ничего не понимала. – И какое отношение то, что ты мне рассказал, имеет к нашим делам?

– Да самое прямое. Дело в том, что три года назад «Контакты с другими существами» изучали на третьем курсе, а сразу после выбирали специализацию – в каком «магическом» направлении двигаться. Я так думаю, что все однокурсники этого Семена подсели на общение с инопланетянами (или как их правильно называть?), вот и изменились. Я как-то краем уха слышал, как Толкачев обсуждал с одним из профессоров дилемму, типа: «Может быть, вообще исключить этот курс из программы?» Мол, слишком опасно, и очень многих студентов уже «потеряли». Он так и говорил: «потеряли».

– А! – задумчиво протянула Наталья. – Т. е. мы сразу должны отнестись к новому предмету с изрядной долей осторожности. Лично мне совсем не улыбается стать питательной средой для каких-нибудь арктурианских энергетических существ. Мне своих северных духов и повелителей тундры за глаза хватает. Но ладно. Пошли уже на лекцию, времени-то совсем не осталось...

* * *

– Здравствуйте, здравствуйте, девочки и мальчики, зайчики и котики! – в аудиторию вошла незабвенная Анастасия Владиславовна Ивановская. Она выглядела отлично – отдохнувшей, набравшейся сил и зарядившейся новым оптимизмом. – Вот и лето прошло, словно и не бывало. Да?

Ответом ИВЕ было молчание – да и что говорить-то? Кирилл, например, вообще старательно боролся со сном – да и другие явно не были предрасположены к красноречию (тем более понимая, с кем имеют дело). Стоит только сказать что-нибудь не то, мигом подвергнешься обструкции.

– Хотите анекдот про мага? – внезапно спросила ИВА. – Свеженький, только что сорока на хвосте принесла. Слушайте!

После смерти маг подходит к воротам рая. Святой Петр говорит ему:

– Ты – маг, а магов мы в рай не пускаем.

Ну, пошел грустный маг мимо райского забора, видит – за забором в раю тусит его коллега-знакомый-маг. Он бежит обратно к Петру и с возмущением спрашивает:

– Как же так? А тот маг почему в раю?

На что Петр ему отвечает:

– Да какой он маг – так, фуфло...

Ивановская улыбнулась, покрутила пальцами (как будто разминась перед игрой на фортепиано):

– Надеюсь, извините за непедагогический жаргон, среди вас фуфлыжных магов нет. Поскольку вы уже дошли до четвертого курса. Смее предположить, что до диплома вы всё-таки дотянете, если будете очень стараться, конечно.

Предмет, который мы будем изучать в этом году, называется «Религия в наши дни». Он рассчитан ровно на год. Этого мало, принимая во внимание тот объем знаний, что вы должны

получить. Поэтому приготовьтесь работать много, работать упорно и без всякого разгильдяйства. Я его терпеть не могу, и если вы не сдадите мне экзамены, у меня не дрогнет рука освободить Факультет от вашего надоедливого присутствия. Итак, берите ручки, открывайте тетради, поехали!

Как я уже говорила неоднократно, религия – одна из форм мировоззрения, наряду с мифом и философией. Как и философия, она пришла на смену мифологическому мировоззрению, которое не смогло дать удовлетворительные ответы на вопросы, возникавшие в древнем обществе при переходе от первобытно-общинных отношений к более усложненным, классовым.

Религиозное сознание, возникнув в древности и претерпев различные изменения, связанные с развитием общественных отношений, продолжает победное шествие по грешной Земле и в наши дни. И это несмотря на почти всеобщую грамотность (по крайней мере, в приличных странах), несмотря на догматизм и ограниченность религиозных постулатов.

Считается, что примерно семьдесят процентов населения нашей с вами планеты являются последователями основных религий, еще двадцать пять процентов – неосновных верований (наподобие конфуцианства), а количество закоренелых атеистов не превышает пяти процентов. Среди этих пяти процентов в основном люди научного склада ума и – кому-то это покажется странным – финансисты и банкиры. Хотя лично мне так не кажется. Эти ребята – циники до мозга костей, они вообще отрицают наличие любого бога, кроме денежного.

Что же касается ученых, неудивительно, что в свое время (да и вообще всегда) они боролись с религией – в меру сил и возможностей. Их пылливый ум никак не мог смириться с религиозным маразмом, который с начала времен пытаются насадить нам попы и их многочисленные прихлебатели. Одновременно ученые пытались объяснить феномен религии, и почему он настолько силен.

Вот несколько примеров.

Крупный психолог-религиовед конца девятнадцатого – начала двадцатого века Уильям Джемс считал религиозные представления врожденными, источником которых является нечто сверхъестественное. А его многочисленные оппоненты настаивали на следующем: религия является порождением человеческих инстинктов, особой формой реагирования организма на окружающую среду.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм относил к религии общественные идеи, представления и верования, которые носят обязательный характер для всех членов общества и тем самым связывают индивида с обществом, подчиняют его последнему.

Зигмунд Фрейд с позиций психоанализа определил религию как коллективный невроз навязчивости, как массовую иллюзию, в основе которой лежит неудовлетворительное вытеснение бессознательных влечений.

Еще ранее немецкий философ Людвиг Фейербах рассматривал религию как отражение человеческого бытия. Он считал, что не Бог создал человека, а человек создал Бога в своем воображении по своему образу и подобию.

Марксистская философия считает, что религия является ничем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, – отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. Эта философия подчеркивает социальные причины существования религии. Существует и ряд других концепций философов и ученых, о них мы еще поговорим – причем подробно.

Богословы же в вопросе о происхождении религии опираются на Священные Писания...

* * *

– В этот радостный для всех день начала нового учебного года, – Яйцо с кривой ухмылкой, не сулившей ничего хорошего, прошелся по рядам и остановился возле преподавательского стола, – мне хочется процитировать вам бессмертные строки, которые, я уверен, райской музыкой отдадутся в ваших сердцах. В смысле, зазвонят в ваших сердцах – райской музыкой.

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах звеня,
Страна встает со славою
На встречу дня!

И радость поет, не смолкая,
И песня навстречу идет,
И люди смеются, встречая,
И встречное солнце встает.

Горячее и бравое,
Бодрит меня.
Страна встает со славою
На встречу дня!

Бригада нас встретит работой,
И ты улыбнешься друзьям,
С которыми труд, и забота,
И встречный, и жизнь-пополам.

За Нарвскою заставою
В громах, в огнях
Страна встает со славою
На встречу дня!

И с ней до победного края
Ты, молодость наша, пройдешь,
Покуда не выйдет вторая
Навстречу тебе молодежь...

Яйцо замолчал и победно оглядел аудиторию. Студенты сидели красные и напряженные, прилагая максимум усилий, чтобы не заржать в голос. Кирилл, например, даже вонзил ногти в ладонь – лишь бы удержаться и не издать ни звука. Страсть Яйца к черному стебу была всем хорошо известна, так же как и его ненависть к выскочкам, которые вдруг решатся что-либо прокомментировать. В этом Яйцо и Ивановская были похожи: тут сиди молча! Еще раз – сиди молча! И тогда пронесет.

– Славная песня. Эх! – Яйцо плотоядно подвигал челюстью и мечтательно вперил глаза в потолок. – И славные были времена: цеха, мартены, рабочий заводской гудок, кудрявые, опять же. В естественном состоянии. А сейчас куда ни плюнь – одна фальшивка. Ногти накладные, ресницы накладные, брови выщипанные, бюстгалтеры с ватой, филейные части с силиконом, чтобы вводить в заблуждение. Фотки липовые в социальных сетях – и обязательно в «Мерседесе» или в «БМВ». Как будто других хороших машин в природе не существует. И имена-то, прости господи, какие себе придумывают! Анжелика, Фифа, Берта, Мадонна!

– Кстати, о Мадонне. Сегодня мы о ней поговорим. – Яйцо с грохотом подвинул стул и сел. – Но что-то я не наблюдаю письменных принадлежностей в ваших руках. Ну-ка быстро схватили!

Яйцо подождал несколько секунд и продолжил:

– Поскольку я вижу, что стихи, процитированные мною, вам понравились, в этом году сосредоточимся исключительно на черных культах. Вот лишь некоторые:

- культ черного солнца,
- культ черной Венеры,
- культ черной луны,
- культ черного зеркала,
- культ черной мессы,
- культ черной матери,
- культ черной бабочки,
- культ черного бога,
- культ черного порога,
- культ черных врат,
- культ черного восхода,
- культ черной радуги,
- культ черного престола.

– Черных культов – пруд пруди, и во все времена они привлекали людей. В черноте, знаете ли, – Яйцо мечтательно улыбнулся и стал похож на взрослого ребенка, которому в руки попала любимая игрушка, – есть своя особенная прелесть. Я бы сказал, прелесть высших материй, и тот, кто к ней прислонился и ей овладел, никогда не пожалеет. Но это так – к слову пришлось. Ну, а начнем мы, пожалуй, с культа черной Мадонны, которой поклонялись небезызвестные тамплиеры.

– Немного освежим ваши знания, – Яйцо посмотрел на студентов, криво усмехнулся и по-волчьи ощерился. – Ведь лето – такая замечательная пора: все, что знал, вылетает из башки. Итак:

Вскоре после удачного завершения первого крестового похода и утверждения на землях Палестины Христианского Иерусалимского Королевства (первого военного государства, населенного в основном европейскими рыцарями) на Святую Землю хлынули потоки паломников, привлеченных утопической идеей безопасной жизни среди христианских святынь.

Массы народа, странствующие «по земле Иисуса», естественно, привлекали к себе не только внимание мусульман, разгневанных захватом своих территорий и городов, но и буквально взывали к убийствам – страшным и бескомпромиссным. Территории, по которым проходили маршруты паломников, были наводнены грабителями и убийцами. Дорога к «Священному городу» считалась смертельно опасной для пилигримов.

Европейские монархи были довольны исходом крестового похода – «миссия выполнена», Святая Земля практически очищена. Оставшиеся мусульманские поселения они считали всего лишь досадной помехой на пути «светлого» христианского мира и надеялись на то, что рыцари, которым были обещаны щедрые земельные наделы, постепенно эту помеху устранят.

А тем временем Иерусалимское королевство начало потихоньку пустеть – рыцари стремились домой, к своим семьям и родовым гнездам, и никакие награды не могли остановить большинство из них. И как же быть в таком случае с паломниками, ежедневно подвергающимся насилию и убийствам? Да очень просто! Основать рыцарский орден, который возьмет на себя все обязанности по защите бедолаг. Так и возник Орден Тамплиеров.

Возглавил Орден один из его основателей, знатный шампанский (то бишь из Шампани) рыцарь Гуго де Пейен, ставший первым в истории Ордена Великим Магистром. Представ перед Королем и Патриархом Иерусалимским, Гуго и восемь его преданных командиров (Готфрид де Сен-Омер, Андре де Монбар, Гундомар, Годфрон, Рораль, Жоффруа Битоль, Нивар де Мондизир, и Аршамбо де Сен-Энъян) принесли клятву защищать христиан, странствующих или нуждающихся в помощи, до последней капли крови, а так же приняли три монашеских обета.

Яйцо насупил и грозно зыркнул на студентов. Под его взглядом было неуютно, и Кирилл с легкостью представил преподавателя на коне, под броней, с огромным рыцарским копьем наперевес, несущимся с горы в неудержимом галопе на сарацин. И не почувствовал никакого внешнего сопротивления пространства. Видимо, от тамплиеров Яйцо недалеко ушел (а может, был одним из них в какой-нибудь прошлой жизни).

– Хотя тамплиеры и приняли монашеские обеты, их, конечно же, никак нельзя было назвать воинами-монахами. Это объединение рыцарей не было пока одним монашеским орденом, не было духовной организацией. В сущности, тамплиеры организовывали первую из знакомых нам сегодня «неправительственных некоммерческих организаций» – ради пропаганды идеи и сбора средств.

Пропаганда идеи – необходимости существования подобного ордена – состояла в уже осуществляющейся успешной защите паломников, ну а сбор средств – а как же без этого? Ведь сами тамплиеры были необыкновенно бедны – вплоть до того, что на двух рыцарей приходилась одна лошадь. Впоследствии, когда влияние храмовников распространилось весьма обширно, они создали печать в память о былых днях Ордена – печать эта изображала двух всадников на одном коне.

В течение долгих десяти лет храмовники вели совершенно нищенское существование, соблюдая устав ордена Святого Августина Блаженного за неимением собственного. И так бы и продолжалось, если бы Король Иерусалимский Балдуин II «Прокаженный», лично оскорбленный таким бедственным положением дел подопечного ему Ордена, не отправил бы Гуго де Пейена к Папе Гонорию II с требованием инициировать Второй Крестовый поход, мотивируя его необходимость наглостью мусульманских воинов, продолжавших совершать вылазки на территорию вновь образованного государства.

Балдуин вообще был весьма благосклонно настроен к ордену «бедных рыцарей» – он даже предоставил им, не имевшим никакого собственного имущества, церковь в своем дворце к югу от развалин Храма Соломонова, чтобы они могли там собираться на молитву. Именно этот факт послужил точкой отсчета формирования того ордена, который знаком нам по описаниям сегодня: «Храм» (от французского temple) дал людям повод называть рыцарей «те, что у Храма» или «храмовники». Об официальном имени – «Нищие рыцари» – никто и никогда больше не вспоминал.

Де Пейен в сопровождении небольшого количества товарищей объехал всю Европу, не только уговаривая государей собрать войска для Крестового Похода, но и попутно взывая немногочисленные и неохотные пожертвования. Кульминацией этой поездки стало присутствие Гуго де Пейена и рыцарей-тамплиеров на Великом Церковном Соборе во французском городе Труа – и присутствие это обуславливалось личной просьбой Папы Римского.

Это было полезно, и Де Пейен, как глава Ордена, понимал всю важность выступления на Соборе – хорошее выступление могло обеспечить поддержку Церкви, а поддержка Церкви – поддержку глав разных стран. Де Пейен говорил долго и красноречиво, заворожив избалованную и мракобесную церковную аудиторию картинами нового прекрасного христианского мира, который возьмет свой исток у трона Иерусалима...

* * *

В конце этого бесконечного дня Кирилл чувствовал себя раздавленным. У него совершенно не было сил, и – несмотря на то, что он хотел поболтать с Натальей и Сиреной – он добрал до кровати, рухнул на нее и тут же провалился в глубокий сон. И ему приснилось синее-синее теплое море, а ощущению радости, что он испытал во сне, мог бы позавидовать и сам Будда.

Глава третья. От кризиса никуда не деться. И выборы не за горами

– Вы что такие грустные? – Кирилл подсел к Селивану и Урману и вынул из рюкзака бутылку «Пепси». – На вас посмотришь, сразу плакать хочется.

– Да вот, – Селиван кинул в рот сигарету и чиркнул зажигалкой, – жизнь пошла тяжелая, Кирюха. Бабла нет, работы нет, перспектив нет, короче – всё плохо.

– Ты это чего? – опешил от такого ответа Кирилл. – Дай-ка я твой лоб пощупаю! Ты случайно не перегрелся на солнышке?

– Шутишь? – Селиван скривился. – А нам, между прочим, не до шуток. Вот – моему отцу уже четыре месяца зарплату не платят, у Урмана мать уволили, а ты шутишь. Вам, москвичам, конечно, на всё наплевать – у родичей-то за пазухой. Ты-то небось о деньгах вообще не задумываешься?

– Ну почему же? Задумываюсь. Я что, на другой планете живу? Не знаю, что в стране творится?

– Ну да, ну да! – Урман по примеру Селивана тоже закурил и тоже решил поучаствовать в дискуссии. – Телевизор, наверное, каждый день смотришь. И что же ты там видишь, в телевизоре?

– В смысле? – Кирилл уставился на Урмана. – Говори яснее, а то у тебя от водки выпитой, похоже, сознание уплывает.

– Чтoб ты понимал! Водка наоборот – сознание прочищает, а по нашей жизни без водки никак нельзя. А имел я в виду следующее: даже из телевизора доносятся массовые вопли о кризисе, а уж если телевизор об этом голосит, у простого народа – вообще задница. Как тебе тезис?

– На уровне. – Кирилл уже пару минут пытался понять: Селиван с Урманом над ним прикалываются, или они и в самом деле впали в прострацию. Что-то раньше за ними такой депрессии не замечалось – видно, денег даже на опохмелку нет. – Тезис на уровне, сегодня ты, кстати, отличаешься красноречием. Как никогда.

– Будешь тут отличаться! – мрачно буркнул Урман. – Вчера пошли в магазин пожрать купить, а там бабки бойню устроили из-за распродажи. Вынесли, типа, колбасу, у которой срок хранения заканчивается на следующий день, по цене в тридцать процентов, так в магазине такой замес начался – мы оттуда еле живыми ушли. Я такого еще не видел – бабки реально друг у друга колбасу из рук рвали, палками охаживали по спинам, а охранники пытались их разнять. А вскоре приехали менты (минут через пять всего) и начали всех шмонать на предмет документов. А у нас их не было – так в обезьяннике три часа просидели.

– Правда что ли? – Кирилл засмеялся. – Вот вам не поперло! Хорошо еще, что по зубам дубьем не получили.

– Ага, повезло. – Селиван, медленно и громко кряхтя, поднялся. – Пойдем что ли на занятия? Коли уж всё равно здесь тусуемся. А ты, Кирюха, денег нам не подкинешь? До стипендии? Хотя бы пару тысяч – чтобы с голоду не сдохнуть? Ты же знаешь, мы отдадим.

– Ну, да! – Кирилл со вздохом полез за бумажником. – Как только после пивасика просохнете, так сразу. Но предупреждаю – верю только один раз. Береги честь смолоду, да Селиван?..

* * *

Об экономическом кризисе, бушующем в стране, Кирилл как-то не задумывался (да и что задумываться, если у него все хорошо?). Но он не мог не замечать приметы – они были повсюду. В том числе и в Университете.

Люди стали мрачными. На самом деле мрачными – и это сказывалось не только на их настроении, но и на их одежде, привычках и желаниях. В метро зачастую во всем вагоне невозможно было увидеть яркое пятно (футболку, куртку, сумку) – преобладали тусклые цвета и невыразительные фасоны. Кирилл – хоть и не считал себя специалистом в casual – видел: уровень шмоток резко снизился и стал больше напоминать рыночный, откуда-нибудь с севера Китая. И это в столице, которая всегда жила намного лучше других городов.

Новости, транслируемые по телевизору и размноженные в Интернете, были как сводки с фронтов. В новостях было на 99 % плохо, на 1 % нейтрально, а положительных новостей, кажется, не было вообще. И Кирилл часто спрашивал себя: зачем муссировать негатив и без того в сильно раздраженной стране?

Негатив проник даже за стены Факультета – хотя, казалось бы, там был мир, никак не связанный с обычной жизнью. Но по факту – зарплаты-то и стипендии платились именно из «обычного мира», и если бюджет не справлялся с нагрузкой, собираемость налогов стремительно падала, денег становилось недостаточно, это волей-неволей сказывалось на существовании профессоров-«магов» и студентов-«магов»...

Через пару недель после начала занятий Кирилл, Наталья и Сирена сидели вечером в «кофейне» и вяло обсуждали учебную программу. Начиная с первого сентября, преподаватели погнали студентов в галоп – нагружали так, что невозможно было голову поднять. Всё как всегда – и никакой расслабухи.

– Кстати, у меня новость! – Наталья отставила в сторону пустую кружку и понизила голос. – Сорочка на хвосте принесла. А новость такая – наша Варя и Вадим перенесли дату свадьбы.

– Решили быстрее? – хмыкнул Кирилл, настраиваясь на свои чувства. Новость почти не вызвала в нем отклика – пересмотр делал свое дело, постепенно эмоции смазывались, и вскоре (Кирилл не сомневался) ему будет вообще всё равно, с кем Варя и как. И с Варей Вадим – или тоже как.

– Наоборот, решили пока подождать.

– Интересно, – Кирилл вмиг подобрался. – И с чем это связано? Любовь прошла, завяли помидоры?

– Насчет любви не знаю, зато есть информация, что у Вариной семьи – очень большие проблемы с деньгами. И с бизнесом, соответственно. Вы ведь знаете, они раньше были очень состоятельными. А сейчас – наоборот. Ходят слухи, что отец Вари даже сбежал за границу и там засел – чтобы кредиторы не сильно доставали. И у самой Вари – в связи с этим огромные проблемы.

– А Варя-то здесь причем? – Сирена оторвалась от модного глянцевого журнала, который перелистывала. – У нас, слава богу, не тридцать седьмой год, и дети за родителей не отвечают.

– Ну да, не отвечают! – возразил ей Кирилл. Он уже понял (*увидел*), что происходит. – Ты не забывай, на каком факультете Варя учится, и если папа попал в разряд неблагонадежных, начальство немедленно задастся вопросом: «А можно ли доверять дочке?». «Не убежит ли дочка вслед за папой и не выдаст все секреты родины потенциально-кинетическому врагу?»

– А... Ну тогда понятно. – Сирена выдула пузырь (из жвачки) и громко им шелкнула. – Жалко, если Варю попрут. Думаю, для нее это будет трагедией всей жизни. Вот так иметь папу-

барыгу! А вот у меня в семье никогда особо денег не водилось, так что мне такой расклад не страшен. А ты что, Ната, по этому поводу думаешь?

– Трудно сказать. – У Натальи было скорбное выражение лица. – Всё зависит от решения, которое примут. Насколько я *вижу*, пока что факультетское руководство не настроено на радикальные меры, но ведь не всё зависит от Факультета. Придет распоряжение от сами знаете кого, и возьмут под козырек. Как миленькие возьмут. И прощай наша Варя – с волчьим билетом и с меткой неблагонадежной на долгие годы! Страсть, как неприятно.

– Может быть, нам написать всеобщую петицию? Типа, от студентов? – Сирена задумчиво накручивала длинный локон на палец. – Где охарактеризовать Варю исключительно с положительной стороны. Ведь можно же составить петицию? Наш же голос должен быть учтен?

– Наверное, – Кирилл пожал плечами. – Вот только лично мне кажется, что для принятия решения по Варе никакая петиция не нужна. Факультетское руководство и так всё прекрасно знает и разберется без нас.

– А ты, похоже, равнодушен? – Наталья укоризненно взглянула на Кирилла. – Я понимаю: ты до сих пор многие вещи не можешь простить, что с моей точки зрения не есть хорошо. Но сейчас дело не в личном, а в справедливости. Если по справедливости, Варя не должна ни за что отвечать.

– Ага! – Кирилл усмехнулся. – По справедливости она должна пользоваться всеми благами и хорошего не помнить. А чуть-что, бежать за помощью – на голубом глазу, как ни в чем не бывало.

– Ну, во-первых, она никуда не бежит и ни к кому не обращается! – гневно всплеснула руками Наталья. – Во-вторых, здесь ты неправ. И странно от тебя слышать такие суждения. Беда может случиться с каждым из нас, ты что, для каждого отдельный счет приготовил?

– Совсем не для каждого, – Кирилл поднялся и направился к выходу. – Только для Вари и для Вадима. Пусть сами разбираются со своими проблемами. Я уже много раз вмешивался, и что толку? Нет уж, в данном конкретном случае я лучше постою в сторонке.

– Жаль, очень жаль! – всхлипнула ему в спину Наталья. – А я думала, я у тебя хватит характера простить и понять...

* * *

Кирилл сидел на кухне и в очередной раз пытался разобраться – что да как. Состояние души характеризовалось, как мрачное. Разговор с подружками о Варе получился тягостным, и, наверное, Кирилл проявил себя не с лучшей стороны.

– Ну, а что мне следовало ответить? – Кирилл громко хлопнул по столу ладонью. – Типа, я всё понимаю, и пофиг, что два года меня старательно не замечали и брезгливо обходили стороной? Пофиг, что человек, которого я, в принципе, считал своим другом, увел девушку, которую я считал своей? Увёл в тот самый момент, когда я ради нее даже заручился поддержкой могущественного мага – хотя мог бы этого и не делать? Типа, коли уж такое произошло, я, конечно, плюну на все обиды и с радостью протяну руку ни в чем не повинной девушке? Чтобы у нее всё наладилось, и она радостно вышла замуж за того самого подлого человека?

Кирилл представил, возможно ли такое, и возмущенно фыркнул. Нужно совсем его не знать, чтобы думать, что он способен такое простить. Пересмотреть он в состоянии – да. И уже почти пересмотрел. Осталось процентов, наверное, пять от прежнего чувства. Но простить? Чтобы всё стало как прежде? Нет, это невозможно!

– Плохо одно, – он поставил чайник на плиту и принялся шарить в холодильнике. – Плохо то, что вечно эта тема вылезает, и вечно в самый неподходящий момент. И портит мне взаимоотношения с Натальей. И хоть Сирене плевать – и то хлеб. А то бы все на меня ополчились: «Ты должен то, ты должен это!». Да никому я ничего не должен и никогда не буду должен!

Кирилл просветлел лицом:

– Говорила мне мама: «Всегда подбирай правильные формулировки. И переводы их в ощущения – и тогда Сила тебя поддержит». Собственно, мама мне этого не говорила, но я сплошь и рядом этим занимаюсь.

Зазвонил телефон. Как всегда, это оказался Щербень. Кирилл неприязненно посмотрел на трубку и отметил про себя, что Павел Иванович, похоже, становится для него ближе, чем мама с папой. Не говоря уж об остальных.

– Привет, ты куда пропал? – буркнул в трубку Щербень. – Позволяешь себе отдыхать, в то время как страна нуждается в тебе?

– Никак нет! Я же отпросился у Вас на две недели – войти в учебный процесс...

– Правильно, отпросился. Но служба наша опасна и трудна, и она не ждет. Так что властью, данной мне правительством и народом, я отзываю свое согласие на твою увольнительную, и изволь явиться завтра вечером – под мои светлые очи. Усек?

– Усек! – Кирилл обреченно громыхнул кружкой с чаем. – Но только не раньше десяти вечера – у меня ведь учеба...

– Ну, ладно, – секунд с десять почмокав губами, согласился Павел Иванович, – но только как штык. И имей в виду – опоздание воспринимается как оставление позиций в условиях военного времени.

Щербень отключился, а Кирилл побрел в комнату, на ходу прикидывая, что бы это могло значить:

– Оставление позиций в условиях военного времени! – его вдруг разобрал смех. – Это что-то новенькое. И вроде бы, войны в ближайшее время не планируется, зачем использовать такие формулировки?

Кирилл остановился рядом с книжными полками – его вдруг разобрало дикое желание что-нибудь почитать. Полегче. Лучше всего, какой-нибудь детектив или вот: про Джеймса Бонда. «Из России с любовью».

– Сделаю себе одолжение! – Кирилл достал книгу и плюхнулся на кровать. – Двадцать минут читаю, а потом – за учебу.

– *Собирайтесь быстрее, – сказал коренастый охранник, стоящий рядом.*

– *Вы не знаете, какое задание мне предстоит на этот раз? – Грант говорил по-русски отлично, хотя и с заметным акцентом, по которому его можно было принять за жителя Прибалтики. Голос его был высоким и невыразительным, как будто он не говорил, а читал по невидимой книге что-то скучное.*

– *Нет. Передали только одно – вам нужно срочно прибыть в Москву. Самолет уже вылетел. Через час он будет здесь. Полчаса на заправку – и затем еще три или четыре часа полета. К полуночи будете в Москве. Собирайтесь. Я вызову машину.*

Грант встал.

– *Да-да, вы правы. Но разве они не сказали, что предстоит операция? Я хотел бы знать об этом заранее. Это прямая линия, гарантированная от прослушивания. Обычно меня предупреждают...*

– *На этот раз не предупредили.*

Грант повернулся и медленно вышел в сад. Если он и заметил девушку, сидящую на дальнем краю бассейна, то не подал вида. Он наклонился, поднял книгу, золотые трофеи своей профессии, вернулся в особняк и по узкой лестнице поднялся к себе в спальню.

Унылая комната была обставлена по-спартански: железная кровать, с которой свисали мятые простыни, плетеное кресло, некрашеный платяной шкаф, металлический умывальник. Американские и английские журналы были разбросаны по полу. На подоконнике лежали стопки дешевых детективных романов в ярких кричащих обложках.

Грант наклонился и вытащил из-под кровати потрепанный фибровый чемодан, сделанный в Италии. Раскрыл его, уложил стопку хорошо выстиранного дешевого белья, пару потрепанных, но все еще респектабельных костюмов, которые он достал из шкафа и уложил в чемодан вместе с вещалками, и защелкнул крышку. Затем он поспешно умылся холодной водой из-под крана и тщательно вытер тело одной из простыней, которую сдернул с кровати.

Снаружи донесся шум автомобиля. Грант натянул трусы и майку, надел такой же неприметный костюм, как и те, которые лежали в чемодане, застегнул ремешок часов, разложил по карманам остальные вещи, взял чемодан и спустился вниз.

Массивная дубовая дверь и калитка в стене были открыты. Охранники стояли у черного «ЗИСа» и разговаривали с шофером.

«Идиоты, – подумал Грант (он еще не отвык думать на английском языке). – Не иначе предупреждают шофера, чтобы не спускал с меня глаз, пока я не поднимусь по трапу самолета. Наверно, никак не могут поверить, что иностранец может и готов жить в их проклятой стране»...

* * *

Кирилл ехал на встречу к Щербеню и дремал на сиденье. В вагоне было тепло, уютно постукивали колеса, а Кирилл так устал за прошедшие дни, что глаза сами собой закрывались. И надо же – он еще умудрился увидеть сон! Краткий, но очень яркий и показательный.

Он шел по длинной пустой улице, и вокруг него высились многоэтажные дома, окна в которых горели тусклым, навевающим тоску светом. Смотреть на них не хотелось, ноги сами собой несли Кирилла вперед, а в конце улицы его поджидал невысокий сутулый человек с изборожденным морищинами лицом.

– Здравствуйте! – Кирилл остановился рядом. – Не подскажете – где это я нахожусь?

– Известно где, – буркнул собеседник, – в мире, где время свернуто в дугу. Сюда бы я лично никому не советовал являться. Ну, а ты, коли уж пришел, так спрашивай!

– А что спрашивать-то? – опешил Кирилл. – У меня, вроде, не припасено никаких особых вопросов.

– Зря, очень зря. – Собеседник насупился пище прежнего. – Ты, судя по виду, совсем молодой человек, а молодые люди должны быть любознательными. У меня в твоём возрасте вопросы рождались сами собой, а желание чего-то достичь в жизни было ключом. И я, без ложной скромности, достиг!

– И чего же Вы достигли? – Кирилл почувствовал нарастающее раздражение, вызванное нравоучительным тоном собеседника. – А если достигли, почему здесь оказались? В этом неприветливом мире?

– Ну, это для тебе он неприветливый, а для меня – так в самый раз. Примерное таковым я и представлял загробную жизнь, и, кроме того, в таких домах агенты любят встречаться с информаторами.

– Какие агенты? – Кирилл усмехнулся. – Ноль-ноль-семь что ли?

– Именно! – вскинулся собеседник. – А также прочие другие. И вот встречный вопрос – ты меня не узнаешь?

– Нет. А почему я должен Вас узнавать?

– Странно, странно, – задумчиво прикусил губу собеседник. – Про ноль-ноль-семь знаешь, а про меня нет. Необычно и странно!

– Что Вы имеете в виду? – Кириллу уже стал надоедать весь этот разговор, и он решил двинуться дальше. Но прежде задал последний вопрос.

– А то, что именно я – создатель агента 007. Я его придумал, я его написал, я – Ян Флеминг.

– Вы? – удивленно присвистнул Кирилл. – Вот это встреча! Радо познакомиться. И знаете, я давно хотел Вас спросить...

Вагон, подъезжая к станции, резко затормозил, и Кирилл вывалился из сна. И выругался про себя – ему хотелось продолжения беседы с мрачным Флемингом. Но увы, вернуться в один и тот же сон невозможно.

На станции назначения Кирилл вышел из вагона и стал свидетелем страшной драки прямо на платформе. Друг друга били человек десять – и все пьяные. К дебоширам со всех сторон бежали полицейские, женщины вокруг громко кричали – Содом и Гоморра, одним словом. В финале драки всех повязали и потащили на разборки в отделение, а Кирилл, понаблюдав за этим безобразием пару минут, пошел своей дорогой – на ходу прикидывая: к чему это такой знак?

Через четверть часа Кирилл постучался в дверь кабинета Щербеня – там было заперто. Никто не отвечал.

– Странно! – Кирилл прислонился к стене, пытаясь разобраться в своих ощущениях: звонить Павлу Ивановичу или нет. – За все два с половиной года нашего знакомства такого еще, вроде бы, не случилось – чтобы Щербеня не было на месте при условии назначенной встречи. Знал бы, что такое случится, взял бы с собой что-нибудь почитать. Вот – хотя бы ТОЭС.

При воспоминании о ТОЭС (теории оптико-электронных систем) Кирилла передернуло. Вот уж действительно предмет, от которого мозги расплавляются, как в доменной печи! А лектор – это отдельная история!

ТОЭС читал профессор Немчинов – антилегенда кафедры РЛ-2. С точки зрения студентов, этот человек был настоящим чудовищем, о котором либо ничего, либо плохо. В университетской «интернет-барахолке» (сайте, на котором составляли рейтинги преподавателей) о Немчинове отзывались исключительно в мрачных тонах, и подобный отзыв:

«Крайне неприятный человек. Увы, материал очень нужный, но он туда столько ереси и отсебятины впишет! Да еще и с извращенным чувством юмора – короче, каждая встреча как пытка. И постоянно заставляет заучивать его умные изречения наизусть. По специальности не работает, потому и ошибаться может, и много пустого несет»

звучал, как похвала. Ну, а манеру изложения материала профессором Немчиновым прекрасно характеризовали его статьи:

«Моделирование, или метод моделей, – это один из основных способов изучения различных систем, процессов и явлений с помощью модели, который лежит в основе любого рода исследований технических объектов. В рамках СТ ОиЛзЭлнС формирование метода моделей начинается с построения обобщенной трактовки модели системы, процесса и явления как заместителя, или некоторого в широком смысле гомоморфного образа (реального или воображаемого).

Этот гомоморфный образ, часто называемый модельным представлением, используется в качестве заместителя (образа, слепка и т. п.) для имитирующего моделирования изучаемой системы, первичной по отношению к модели. Такая трактовка модели применяется для моделирования ППС. От рассматриваемой трактовки следует отличать применение термина «модель» как прообраза некоторой системы, её «представителя». В этом понимании модели проявляется принцип реального воплощения эталона, и здесь первичным понятием является сама модель, выступающая в качестве стандарта, образца, шаблона и т. д.

На практике использование того или иного представления модели фактически обусловлено целью моделирования. Если целью является выяснение свойств какого-либо объекта, процесса, явления с помощью другого объекта, процесса, явления (его модели), то говорят о модели-образе. При воспроизведении свойств эталона модель понимается как прообраз...»

И слова, вроде, все знакомые, и формул нет – и всё равно, ничего не понятно. Ну, а когда начинаются формулы, тут уж становится совсем тоскливо. И даже у Кирилла (который учился отлично) при взгляде на даваемый Немчиновым материал, опускались руки.

– И обязательно найдется кто-нибудь, кто с удовольствием испортит тебе жизнь, – пробормотал Кирилл. – Но где же Щербень? В Кремль его, что ли, срочно вызвали? В любом случае...

Кирилл не успел договорить. Прозвучал гонг прибытия лифта, двери открылись – и на этаже материализовался Павел Иванович. Смурной до невозможности и весь какой-то дерганный.

– Привет! – на ходу бросил он, открывая ключами дверь. Кирилл обратил внимание, что пальцы у Щербеня трясутся – словно с перепоя. Но Щербень не увлеклся, это точно.

– Приходится констатировать, что живем мы в очень непростое время, – Щербень поптичьи резанно дернул головой. – Не успеешь разобраться с одной напастью, немедленно следует вторая, а за ней и третья. И так далее. Вот хорошо быть студентом, вроде тебя! Ни забот, ни хлопот.

– Да уж! – Кирилл саркастически хмыкнул, но добавлять ничего не стал. Только смиренно поинтересовался – что за спешка?

– Проблемы у нас, – Щербень наконец-то справился с замком, вошел в кабинет и с грохотом швырнул ключи на стол. – Весьма серьезные, и в первую очередь с предстоящими в марте выборами. Как бы американцы не создали нам проблем. Ты за новостями следишь?

– Да так. – Кирилл пожал плечами. – От случая к случаю. Признаться честно, мне новости противны. Если их каждый день смотреть, очень скоро превратишься в зомби. Да и некогда мне.

– Счастливый. Завидую тебе. – Щербень мечтательно улыбнулся. – Вольная птица: хочешь – смотришь, хочешь – нет. А вот я такого счастья лишен. Мне приходится хлебать это новостное дерьмо и днем и ночью – и полной, причем, ложкой. И иногда кажется, что крыша съедет от информационного напора. Но ладно. Это всё лирика с беллетристикой, а от нас требуется конкретика.

– А чаю можно попить? – выждав, когда Щербень сделает паузу, вклинился Кирилл. – У вас ромашковый есть?

– Не знаю. Посмотри. И мне заодно налей. Ромашковый или мятный какой-нибудь. Успокоительный. Короче, получен приказ с самого верха предоставить подробную информацию, чего ожидать перед выборами и после выборов. Приказ получен всеми ведомствами и службами, и поверь мне, масса народа уже этим занимается. И мы занимаемся – в том числе. И ФСБ, само собой.

Щербень замолчал и принялся интенсивно тереть переносицу пальцами. А Кирилл поставил чайник и отыскал в запасах Павла Ивановича заветную ромашку.

– Как ты понимаешь, – Щербень саркастически ухмыльнулся, – в результатах выборов никто не сомневается. Выберут кого надо – и подавляющим большинством голосов. Но, конечно, демократические процедуры должны быть максимально соблюдены – точно так же, как и обеспечена безопасность.

Кирилл подал ему чай.

– О, спасибо! А теперь слушай, что требуется от тебя, – Щербень понизил голос. – Ты должен посмотреть, увидеть, распознать (не знаю, как у тебя это получается) – кто из ближайшего окружения президента способен на предательство. В случае обострения ситуации. Ну, знаешь – скрытый враг. Враг, завербованный американцами. Враг, внедрившийся в структуры. Враг, спящий до поры до времени. Справишься?

«Так я вроде бы, уже это делал!», – чуть было не сболтнул лишнего Кирилл, но сдержался. Щербеню не нужно знать, что ровно такое же задание Кирилл получил, находясь в подземном бункере примерно год назад. Только тогда речь шла о войне, а сейчас о выборах.

– Попробую! – Кирилл кивнул. – Но только мне нужны хотя бы фотографии и хотя бы должности. И времени вагон – всё зависит от количества персоналий. Из расчета пять фото на день. Чтобы без спешки и чтобы максимально точно.

Кирилл намеренно сразу обозначил сроки – он, конечно, может всё сделать и быстрее, но не имеет никакого желания. И он не желает зависать в «пещере Алладина» – нужно учиться.

– Хорошо! – Щербень просветлел. – Вот здесь данные, – он протянул Кириллу конверт. – Специально подготовили. Всего, как ты говоришь, персоналий – сто двадцать шесть. Делим на пять. Получаем двадцать пять дней с хвостиком. Через двадцать пять дней жду тебя с подробной информацией. Упакованной и опечатанной. И не вздумай задержаться. Выпорю батогами! И мне, пожалуйста, ни слова, кто там и что там. Этот конверт дозволено вскрыть только тебе...

Глава четвертая. Шаг навстречу

В один из дней Кирилл сидел в холле общежития. Недавно у него появилась привычка выходить из своего жилого блока, чтобы оторваться от дел насущных и освежить мысли (по крайней мере, один раз в час – минут на пять-десять). Тут его и застал Толкачев.

– Добрый вечер! – поздоровался замдекана. – А я специально шел к вам, чтобы поговорить. Со всеми вами. Но уж коли ты первым мне встретился, не вижу ничего предосудительного, чтобы начать с тебя. Уделишь мне время?

– Конечно! – Кирилл даже обрадовался возможности пока не возвращаться к себе и вновь не садиться за опостылевшие учебники.

– Вот и славно. – Толкачев вынул из потертой кожаной папки несколько листочков бумаги и ткнул в них пальцем. – Здесь – небольшой опросник. Я буду тебя спрашивать, а ты отвечай, не задумываясь. Ясно?

– Ну да, вроде. А можно узнать, о чем будут вопросы, и почему я не должен думать?

– Потому что! – улыбнулся Толкачев. – Не забывай, где ты учишься. Считай, что выполняешь важное правительственное задание, используя магические навыки. Ну что, готов?

– Сейчас, – Кирилл несколько раз глубоко вздохнул, настраиваясь на пространство. – Да!

Отлично. – Толкачев разложил листы с вопросами перед собой, взял карандаш и одновременно включил секундомер на наручных часах. – Не задумывайся о корректности формулировок, просто отвечай. Поехали!

1. Если бы тебе предложили работу по профессии:

- пожарный,
 - воздушный гимнаст,
 - печник,
 - капитан корабля,
 - шахтер,
 - геолог,
 - летчик,
 - спасатель на водах,
- Кем бы ты стал?

– Летчик!

2. Если бы тебе предложили работу по профессии:

- сталевар,
 - агроном,
 - водолаз,
 - промышленный альпинист,
 - экскаваторщик,
 - крановщик башенного крана,
 - кузнец,
 - рыбак
- Кем бы ты стал?
- Промышленный альпинист!

3. 2. Если бы тебе предложили работу по профессии:

- продавец сахарной ваты,

- продавец промышленных товаров,
- продавец горюче-смазочных материалов,
- продавец воздушных шариков,
- продавец билетов на футбол,
- продавец билетов в метро,
- продавец билетов на воздушные аттракционы в парке,
- продавец билетов на фейерверк-шоу Кем бы ты стал?

– Продавец билетов на воздушные аттракционы в парке!

– Хорошо. – Толкачев сделал необходимые пометки и отложил первый листок. – Слушай дальше!

4. Как ты поступишь, если начальство на работе прикажет тебе выполнить что-то помимо твоей воли, и ты точно знаешь, что пользы от этого не будет никакой. Но будет вред.

- откажешься наотрез, логически обосновав свой отказ,
- попробуешь логичными доводами подкорректировать мнение начальства, не отказываясь, впрочем, от выполнения задания,
- в точности исполнишь всё, что от тебя требуется,
- сообщишь вышестоящему руководству о явной вопиющей ошибке...

Толкачев опрашивал Кирилла минут десять – всего вопросов было тридцать три, и Кирилл так и не уловил связь между ними. Хотя, признаться честно, он не очень и пытался – просто отвечал то, что первое придет в голову. Именно так, как и велел Толкачев – следуя больше за звучанием и ощущением от ответа, чем за логическим его обоснованием.

– Отлично! – замдекана спрятал опросник в портфель. – С этим мы разобрались, ну а теперь, – Толкачев несколько дёргано потер переносицу пальцами, – у меня к тебе приватный разговор. И нелегкий. Ты слышал об истории, что приключилась с твоей одноклассницей Ариадной? Об истории, связанной с ее отцом?

– Слышал. – Кирилл напрягся. – Не хотел бы я оказаться на ее месте!

– Никто не хотел бы, – кивнул замдекана. – Видишь ли, – он сделал паузу, – сверху пришла разнарядка об отчислении Ариадны, но мы на Факультете считаем, что это неправильно. Совсем неправильно. Думаю, что и ты, и все твои товарищи нас поддерживаете. Так?

– Ну да.

– Несомненно. Мы (т. е. руководство Факультета и верховные Архонты-хранители) решили обратиться к тебе с просьбой.

– Ко мне? – Кирилл опешил и даже покраснел. – И что же я могу сделать такого, что не может сделать любой маг? Тем более Архонт!

– Отвечаю. Например, оперативно связаться с высшим руководством ФСБ и военной разведки и донести до них позицию Факультета: Ариадна нам нужна! И она никуда не сбежит и не пойдет ни на какие контакты с врагом – мы на Факультете в этом ручаемся.

– Ну, а что ж вы сами? Ведь у Факультета сумасшедший вес и авторитет! Да одного слова любого из Архонтов достаточно, чтобы даже реки потекли вспять!

– Это, конечно, так – но не в данном случае. В данном случае мы вынуждены подчиняться ректору, а он четко следует указанием сверху и слышать ни о чем не хочет. Уперся.

– Понимаю, – Кирилл слабо улыбнулся. – И вопросов дополнительных задавать не буду. Чтобы случайно никого не обидеть. Так что же мне сказать ФСБ и военной разведке?

– Что руководство Факультета берет на себя ответственность за Ариадну, и если она замыслит предательство, мы об этом узнаем – либо тотчас, либо вообще заранее. А пока пусть оставят Ариадну в покое и не лишают ее никаких прав – в том числе и практики. Мы уверены, наша девочка еще покажет себя с лучшей стороны!..

* * *

– Ну и дела! – после разговора с Толкачевым Кирилл лежал в кровати и пытался уснуть. Сон не шел, несмотря на усталость. Надоедливые едкие мысли толпились в голове и мешали расслабиться. – Похоже, Сила специально для меня всё это затеяла. Чтобы не изображал страуса и не прятал голову в песок. Типа, меня это не касается, меня это не касается! Касается – и еще как. И выходит, я снова должен что-то подправить, что-то исправить в жизни Вари. И интересно, она об этом узнает?

Кирилл, конечно, не сомневался в способностях Вари *видеть*. Он даже был уверен, что она – самая мощная *видящая* на курсе и без труда способна разглядеть всё, что захочет. Другой вопрос – захочет ли?

– Лично для меня проблема ясна. – Кириллу надоело бестолково ворочаться, и он отправился на кухню – к дежурной кружке ромашкового чая. – Она заключается в том, что восприятие Кирилла Раевского в глазах Вари до сих пор меня волнует. Я хочу, чтобы она меня оценила и как-нибудь отблагодарила. А это в корне неверно – и Наталья об этом толкует постоянно.

Кирилл включил чайник и плюхнулся на табуретку:

– А что? Если дельце выгорит, не принять ли мне торжественный вид, не прийти ли к Варе и Вадиму в их уютное гнездышко и не объявить ли во всеуслышание, что вот он – мой свадебный подарок! Дескать: «Не переживайте, молодые. Живите долго и счастливо, ваш добрый ангел-хранитель (это я!) уже всё устроил. И теперь никто и помешает вам наслаждаться обществом друг друга. И заметьте, точно так же было и в прошлый раз, только я думал, что стараюсь для себя...». Вот бы в этом случае посмотреть на их рожи! Наверняка, зрелище забавное.

Сам того не замечая, Кирилл углубился в воспоминания:

– Привет, привет! – с утра пораньше (часиков в десять – одиннадцать) к Кириллу вломились Вадик с Лешкой. – Все дрыхнешь?

– Проходите, парни. – сонный Кирилл, протирая глаза руками, запустил их внутрь. – Что-нибудь срочное?

– Да нет. – Вадик по-хозяйски сразу двинул на кухню – поживиться чем-нибудь из холодильника. – Просто зашли в гости поболтать. Сегодня ведь выходной, а до следующего экзамена еще целых пять дней.

– Это у вас пять дней, а у меня он уже завтра. – Кирилл оттеснил Вадима от холодильника и принялся методично выкладывать на стол все имеющиеся в наличии съестные припасы. – А я еще даже и не приступал к подготовке, и времени у меня совсем нет.

– Сочувствую. А что сдаешь? – весело гоготнул Лешка. – Какую-нибудь страшную «Теорию поля» или «Электротехнику»?

– Ага. Что-то типа того. Называется «Теория вероятностей и случайные процессы». Удовольствие изучать этот предмет, я тебе скажу, ниже среднего.

– Да ладно! – Вадик тем временем вынул из мойки три стакана, ополоснул их и налил каждому сока. – Справись, ты же у нас человек о двух головах. Преподаватели в тебя верят, и все такое.

– Если это шутка, то прощаю. – Кирилл взял свой стакан и с удовольствием выпил. – Ну, а если серьезно – вы что-то хотели обсудить? Выкладывайте!

– Да вот, – Вадик замялся, а Лешка отвернул голову и принял отсутствующий вид, – Варя...

– Что с ней опять? – Кирилл нахмурился. – Вроде, все в порядке было?

– Конечно, все в порядке. Именно так! – Вадик с готовностью кивнул головой. – Все нормально. – Повторил он. – Но я вот что хотел спросить, ты не обидишься, если узнаешь, что у нас с ней в некотором смысле любовь закрутилась?

– Как это, в некотором смысле? – Кирилл уставился на Вадима. – Т. е. вы, типа, теперь вместе?

– Ну да, – Вадик с вызовом посмотрел на Кирилла, – а ты что, возражать вдруг надумал?

– А почему бы и не возразить? – на Кирилла накатила горечь, он почувствовал, что готов взорваться, как вулкан. – Или ты реально возомнил себя таким крутым, что и возразить нельзя?

– Э, э, парни, полегче! – Лешка быстро вскочил с табурета и встал между ними. – Если что, я вас двоих уложу без проблем, но друг другу бить морду не позволю!

– Ладно, понятно. – Кирилл принял решение моментально. – Валийте-ка отсюда! – он направился к входной двери, открыл и молча ждал, пока гости не уберутся (так же, как и он – молча).

Вадик с Лешкой ушли, а Кирилл, ощущая внутри расплзающуюся и увеличивающуюся с каждой секундой пустоту, рухнул на кровать и усиленно задыхался.

– Сосредоточься на дыхании, сосредоточься на дыхании! – несколько раз повторил он вслух, стараясь максимально разжать голову. – Вот уж не думал, что могу так нелепо сорваться...

В дверь осторожно постучали. Кирилл помотал головой и прислушался – показалось? Нет – снова стук и снова очень осторожный (что, кстати, и понятно: на часах – полвторого ночи).

– Кого черти несут? – Кирилл со вздохом поднялся с табуретки. – Сирена? Такое явление в ее вкусе?

Но это оказалась не Сирена..., а Варя.

– Привет! – она прошла мимо ошеломленного Кирилла в прихожую. – Я почувствовала, что ты не спишь, и решила тебя навестить.

– Да? – Кирилл не мог подобрать нужные слова. – Что ж. Отлично! Чай будешь?

– Не откажусь! – Варя прошла на кухню. – Давно я здесь не была. В смысле, в твоём блоке. Ну, как поживаешь?

– Нормально, – Кирилл вынул из холодильника банку варенья и коробку конфет. – Какие сладости дама предпочитает в это время суток?

– Дама предпочитает шоколад, но поскольку у тебя нет, дай мне, пожалуйста, вот ту красивую конфетку. «Мишку на севере». И будь так добр, кинь в кружечку пакетик мятного чая – это мой любимый.

Кирилл молча проделал требуемые от него манипуляции и сел напротив Вари:

– И? – он вопросительно посмотрел на нее. – Что бы ты хотела со мной обсудить?

– Почему же сразу обсудить? – скривилась Варя. – Ты разве не допускаешь мысли, что я могла прийти к тебе просто так – как к другу?

– Наверное, допускаю. Раньше, по крайней мере, допускал. Но ведь с той поры прошло уже много времени. И, кстати, а где Вадим?

– У себя, где же ему быть. – Варя всем своим видом показывала, что не собирается отвечать на риторические вопросы, направленные против ее самолюбия. – А поговорить я с тобой хотела вот о чем. До меня дошли слухи, что Толкачев кое о чем тебя попросил. Вернее, это даже не слухи, а точные сведения. И просьба касается моей персоны. Так?

– Так, – не стал отнекиваться Кирилл, – но откуда ты знаешь?

– Сорока на хвосте принесла. У нас ничего невозможно скрыть по-настоящему, ты ведь в курсе. И что же ты решил?

– Я-то? – Кирилл старался максимально потянуть время. Он даже вспомнил, как это делает Щербень – встал, заложил руки за спину и медленно прошелся по кухне: два шага туда, два – обратно. – Я, само собой, выполняю просьбу Толкачева. Сделаю всё, что от меня зависит.

– Хорошо! – Варя кивнула и в свою очередь поднялась. – Я прекрасно осознаю, что с первого курса многое изменилось, и то, что утрачено, уже не собрать, но всё же! – она быстро поцеловала Кирилла в щеку. – Спасибо!

Варя направилась к двери, остановилась на пороге:

– И я очень надеюсь, что когда-нибудь мы переборем самих себя, и наши дружеские отношения восстановятся. Может быть, ты сомневаешься, но для меня это очень важно...

* * *

Как известно, Сила ничего и никогда не делает просто так. Особенно для тех, кто добровольно ей доверился. Для *видящего* это абсолютно ясно, ну а для других – да бог с ними!

Неожиданное появление Вари (можно себе представить, что случится с Вадимом, если он когда-нибудь узнает, что его невеста пришла к Кириллу ночью и провела с ним наедине двадцать минут!) Кирилл воспринял как хороший знак. Как знак того, что он обязан убедить силовиков – Варя должна остаться на Факультете. А убеждать он намерен путем скорейшего завершения работы над списком, который ему предоставил Павел Иванович.

Из ста двадцати шести фигурантов он просмотрел только сорок, и ему нужно было максимально ускориться. А для ускорения необходимо свободное время. Поэтому что? Кирилл решил навестить Валентину Алексеевну (замдекана по инженерной специальности) и отпроситься на неделю – и заодно отпроситься у заведующего кафедрой РЛ-2. Ему это удалось без труда – под заверения о том, что он, конечно, всё нагонит и все ДЗ выполнит. К отличникам всегда несколько другое отношение, чем к троечникам, и часто им верят на слово – тем более Кирилл еще не подводил.

Далее Кирилл заперся у себя в блоке и приступил к «глубинному бурению», делая перерывы только на занятия на Факультете (эти занятия – святая святых, и их пропускать нельзя ни при каком раскладе). Он *просматривал* по пятнадцать человек в день, подробно конспектировал всё, что *видел*, и наконец получил картину. Она была удручающей.

Выходило так, что российская власть является сборищем проходимцев, волею судьбы выбившихся наверх. И как положено проходимцам, они были готовы предать всех и вся в случае, если такая возможность представится, и если этого потребует ситуация.

Президент, как первое лицо государства, никоим образом не мог рассчитывать на лояльность окружающей своры, и если у него еще остались какие-то иллюзии на этот счет, неплохо бы ему от них избавиться – и в кратчайшие сроки.

Практически каждый в своре играл свою игру. Многочисленные договоренности пронизывали иерархическую структуру власти, но они выглядели зыбкими и непрочными. И в любом случае замыкались лишь на нескольких персонах.

Искомым же персонам казалось, что у них всё схвачено, и в этом состояла главная проблема. «Персоны» уверовали в свою непотопляемость, в свой статус и положение, договорились между собой о сферах влияния и о «доступе к Первому», забронзовели. И, конечно, ради сохранения своего положения они пойдут на всё. В том числе на предательство (несмотря на то, что пока что сохраняют преданность Первому).

– Все сплошь подонки, – снова и снова резюмировал Кирилл, просматривая фигурантов, – но, конечно, я ничего такого не говорил. И в отчете ничего такого не появится –

моя задача изложить голые факты, голое *видение*. Постепенно у меня начинает развиваться инстинкт самосохранения, и я уже думаю, прежде чем написать. А так хочется изложить всё!

За те несколько дней, что он плотно занимался «фигурантами», Кирилл неоднократно вспоминал, как он летом гулял по Арбату и остановился послушать странного вида мужичка, декламирующего стихи. Вернее, даже и не стихи, а так – рифмы. В рифмах не было ничего от высокого слога – но сплошь политическая «злоба дня». Примерное такого содержания:

Один подонок сменил другого,
Второй сменил третьего,
За подонками надзирает дядя Вова,
Готовый сменить третьего на первого.

Подонки трубят в трубы,
Подонки дуют в свистки,
Они друг для друга истинные друзья,
Они друг для друга совсем не враги.

Рука руку моет,
Рука руку трёт,
Подонки беззащитно жиреют,
Подонки карьерно растут.

В кого не ткни,
Куда ни кинь взгляд,
Окажется: везде они –
Подонков монолитный отряд.

И для охлоса картинка готова:
Есть незаменимый святой дядя Вова,
Без которого и солнце не встает, и день не кончается,
Трагедия произойдет, если народ с дядей Вовой распрощается!

Поэтому трагедии не будет,
Не допустят трагедии умные люди,
Воссядет на трон подготовленный подонок,
Назначенный, само собой, «святым» дядей Вовой.

А народ пойдет жевать свою репу,
Народ пойдет уныло вздыхать,
Оставив подонкам землю и недра,
Чтобы легче было пановать.

– С прошлого года ничего не поменялось, – окончательно сверстав отчет, констатировал Кирилл. Вроде бы, по возрасту и отношению к жизни ему он мог плевать с высокой колокольни на такое положение вещей, но не получалось.

И еще – после каждого исследованного «фигуранта» Кириллу хотелось забраться под душ и остервенело тереть себя мочалкой, пока «фигурантские» энергетические флюиды не утекут в канализацию – настолько они были тошнотворными. Гораздо хуже, чем у прежде *увиденных* Кириллом многочисленных американских шпионов.

Но так или иначе, а дело было сделано, и настало время отправляться к Щербеню. По дороге Кирилл продумывал обстоятельства разговора – как ему донести мысль о необходимости оставить Варю на Факультете? Он смотрел и так, и сяк, и выходило: нужно связываться напрямую с Ириной Александровной. В данном конкретном вопросе Павел Иванович – лишнее звено. Только как ему об этом сказать?

– Пожалуй, необходимо опереться на Силу! – окончательно решил Кирилл, подходя к зданию МИДовской высотки. – Путь Сила всё правильно сделает. А я постараюсь вывернуть разговор таким образом, чтобы ее помощь была естественной и не вызвала подозрений.

Трудно сказать, что это было: направленное взаимодействие с бесконечной вселенной, случай, либо же Кирилл уловил «тонкое трепыхание» пространства, подбросившего ему идею встретиться с всемогущей генеральшей из ФСБ, но как оказалось, они с Щербенем собираются именно на Лубянку:

– Ты как раз вовремя! – с улыбкой на лице сообщил генерал. – Как в воду смотришь, и мне даже звонить не пришлось. Папку, я надеюсь, прихватил?

– А как же, – Кирилл показал на увесистый рюкзак, который держал в руке. – Здесь материала не на одну папку, а на целый полноразмерный трехтомник в стиле Толкиена.

– Ничего слушать не хочу! – замахал на него руками Щербень. – Не впутывай, пожалуйста, меня во все это. Мне и своих проблем хватает с головой – достаточно, чтобы не спать по ночам...

* * *

С лета в здании ФСБ на Лубянке ничего не изменилось. Да и собиралось. Кирилл, например, был уверен, что там вообще всё без изменений со времен Лаврентия или даже Железного Феликса. Ну, кроме современной аппаратуры, установленной в кабинетах и служебных помещениях.

Ирина Александровна встретила его ласково – почти по-матерински. Предложила чай с печеньем – под нарочито неспешный разговор.

– Как учеба? – перво-наперво осведомилась она. – Справляешься с нагрузками? Тяжело?

– Тяжело, – кивнул Кирилл. – Времени не хватает, к тому же я ведь отличник, а посему нужно очень сильно напрягаться, чтобы поддерживать марку. Боюсь, замдекана не поймет, если я скачусь на тройки.

– Точно не поймет. – Ирина Александровна нажала кнопку на переговорном устройстве, попросила не беспокоить и снова переключилась на разговор. Но, конечно, – и Кирилл это явно видел – разговор был только прелюдией. – А отличник – правильно, отличники всегда и везде проторят себе дорогу в жизни. По той простой причине, что у них отличные мозги. Кстати, – Ирина Александровна, – сделала паузу. – Что ты думаешь о международном положении?

– О международном? – удивился Кирилл. – Если честно, вообще ничего не думаю. Оно меня не касается, и я его не трогаю.

– Счастливый, – генеральша растянула губы в подобии улыбки. – Ну, а если навскидку: прямо сейчас можешь сказать, куда движется мир?

– Навскидку? – Кирилл быстро настроился на пространство. – Навскидку: мир сейчас завис на пороге большой войны. Возможной войны, в которой уже не будет разницы, кто первый начал. Войны, конечно, никто не хочет, но она может вспыхнуть спонтанно. Но я думаю, я не сказал ничего нового для вас. Вы-то прекрасно осведомлены, что происходит.

– Естественно. Это наша работа. Ну, а пути выхода из международного клинча какие-нибудь просматриваются?

– Просматривается только один путь. Нам предлагают застрелиться. Более мягкий вариант – сдаться с последующим расстрелом всех причастных к противостоянию лиц.

– И ничего иного?

– Ничего. Вообще ничего.

– Ну, а если сравнить ситуацию с тем, что было три года назад, как ты расцениваешь – она стала лучше, хуже или не изменилась вовсе?

– По некоторым позициям стала лучше, по некоторым не изменилась, по многим – сильно ухудшилась. Россия в целом сильно трансформировалась, стала воинственной на порядок. Я бы сказал, что страна стала сильнее, а запад многое потерял. И, конечно, 2024 год станет определяющим, а до этого времени особых изменений не предвидится.

– Думаю, что и после этого тоже, – почти неслышно пробормотала Ирина Александровна, а потом резко спохватилась:

– Я этого не говорила, ты ничего не слышал!

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну ладно. Ты закончил с тем, что тебе поручали?

– Да. – Кирилл вынул из рюкзака увесистую пачку листов, перетянутую скотчем (чтобы не развалились). – Вот здесь всё. Павлу Ивановичу я ничего не показывал и не говорил.

– Ну, еще бы! – усмехнулась генеральша. – От одной мысли об обладании подобной информацией у любого нормального человека мороз по коже идёт волнами. Тебе, кстати, не страшно?

– Страшно, – признался Кирилл. – Но что делать? Работу ведь выполнять нужно.

– Это правильно. Работу, которую ты делаешь, мы ценим по заслугам. И может быть, у тебя есть какие-то просьбы, пожелания? Говори, не стесняйся.

– Есть одна просьба, – вот он долгожданный шанс, и Кирилл немедленно за него ухватился. – И не только моя, но и всего Факультета. Всех преподавателей, сотрудников и студентов.

– Говори! – нахмурилась Ирина Александровна.

– У нас на Факультете учится девушка, моя однокурсница. Ее зовут Ариадна Гули. У нее сейчас огромные проблемы в семье. Папа занимался бизнесом, прогорел и сбежал на Украину отсиживаться. Спасается от кредиторов, судя по всему. Ну, а ее хотят отчислить с Факультета, мотивируя секретностью. Папа-то – враг народа. И у нас есть просьба: дать Ариадне возможность доучиться.

– Ну, а как же с секретностью? Факультет – не абы какое кефирное заведение. Вдруг искомая Ариадна сбежит и расскажет кому надо что у нас почему?

– Если отчислить ее сейчас, она точно сбежит и всё расскажет. Но если ее оставить, она будет под присмотром, а там, глядишь, и ситуация с папой разрешится, и вопрос отпадет сам собой. Старейшины Факультета очень просят оставить девушку в рядах студентов и обязуются внимательно за ней следить. Старейшины способны узнать о ее планах заранее, поэтому внезапное предательство исключено.

– Ну, в этом я даже не сомневалась! – Ирина Александровна встала и прошлась по кабинету туда-сюда. – Что ж. Принимая во внимание, от кого исходит просьба, мы обязательно подробнейшим образом снова изучим эту проблему. Большого пока сказать не могу...

Глава пятая. Союзники

– Итак, уважаемые коллеги! – Толкачев говорил неторопливо, одновременно вынимая из портфеля листы бумаги. – Здесь у меня результаты вашего тестирования, и хочу дать вам дополнительную информацию. Уверен, некоторые из вас сгорают от нетерпения, пытаясь угадать (или узнать), для чего нам понадобилось прогонять вас через опросник. Так?

Наталья и Лешка кивнули, выражая общее согласие. Толкачев был прав – уже неделю они гадали. Подозревать руководство Факультета в излишнем юморе и идиотии не было никаких оснований – но тогда зачем все эти вопросы про мороженщиков, авиаторов и т. д.?

– Открою вам тайну, – отследив реакцию аудитории, замдекана улыбнулся. – Каждый год, когда мы прогоняем студентов через опросник, между некоторыми преподавателями заключаются пари – смогут ли студенты угадать истинную цель опросника. *Увидеть* или почувствовать. И за все годы результат был отрицательным – никто не смог.

– Не потому, что не старались или не хватает способностей, – продолжил Толкачев. – Со способностями у вас всё нормально, а просто потому, что опросник защищен на магическом уровне. Не спрашивайте меня, как это делается. Ответа не будет. Техникой подобной защиты (или техникой отвлечения внимания) владеют всего несколько человек в нашей стране, и все они – так уж получилось – работают на Факультете или имеют близкие, почти родственные отношения с Факультетом. И их магический уровень вряд ли кто из студентов может пре-
взойти. Отсюда и результат.

– И что же такого в опроснике, чтобы его так сильно защищать? – Катя подняла руку. – Вроде бы, там нет ничего секретного?

– Верно. Секретного в нем ничего нет, но если бы вам стал заранее известен его смысл, результаты получились бы искаженными. Что обязательно повлияло бы на дальнейшее ваше развитие, на ваши профессиональные качества, как людей, приобщенных к магии.

– И каким же образом? – в разговор вступила Варя, и Кирилл отметил про себя, что за последнюю неделю она стала чувствовать себя уверенней. Возможно, *увидела* что-то обнадеживающее? А она это могла запросто – Кирилл нисколько не сомневался.

– Сейчас, сейчас! – Толкачев выдержал драматическую паузу. – Дело в том, что опросник предназначен для точного определения типа союзников, которых вы к себе прикрепите.

Общий взволнованный вдох прокатился по аудитории.

«Нифига себе, – подумал Кирилл. – Вот это поворот!» О чем, о чем, а о союзниках он совсем не думал. Да и никто не думал – Кирилл был в этом совершенно уверен. Он сразу вспомнил «Отдельную реальность» Кастанеды:

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

В тот раз я ехал через Дуранго и вспомнил, что в этом городе живет один из друзей дона Хуана, с которым он советовал мне когда-нибудь обязательно познакомиться. Я разыскал этого человека, и мы немного поговорили. На прощанье он дал мне мешочек с несколькими растениями и подробно объяснил, как нужно посадить одно из них.

По пути в Агуас Калентес я остановился, вышел из машины и внимательно осмотрелся, желая убедиться в том, что поблизости никого нет. Я стоял на вершине невысокого холма, с которого дорога просматривалась на несколько километров в обоих направлениях. Местность была абсолютно пустынной.

Несколько секунд я помешкал, чтобы сориентироваться и вспомнить инструкции дона Висенте. Потом взял одно из растений, зашел в кактусы к востоку от дороги и посадил его, в точности следуя всем указаниям.

Для полива растения я прихватил из машины бутылку минеральной воды. Я попытался сбить пробку железкой, которой копал ямку для растения, но неудачно – бутылка разбилась, и отлетевший осколок зацепил верхнюю губу. Пошла кровь. Я вернулся к машине за второй бутылкой.

Когда я вынимал ее из багажника, рядом остановился почтовый фургон «Фольксваген», и водитель спросил, что случилось. Я ответил, что все нормально, и он уехал. Я пошел к растению, полил его и направился обратно к машине.

Когда до дороги оставалось метров тридцать, неожиданно послышались голоса. Я быстро спустился к шоссе и увидел трех мексиканцев – двух мужчин и одну женщину.

Один из мужчин сидел на переднем бампере моей машины. На вид – лет сорок, среднего роста, с черными курчавыми волосами. На нем были старые потертые джинсы и выгоревшая, когда-то розовая рубашка, за спиной болтался какой-то сверток. Ботинки с незавязанными шнурками были ему, похоже, велики и казались очень неудобными. Он обливался потом.

Другой мужчина стоял шагах в десяти от машины. Он выглядел хрупким и ростом был ниже первого. Прямые волосы были зачесаны назад. На вид ему было лет пятьдесят. Одет он был немного лучше: темно-синий пиджак, светло-голубые джинсы, черные туфли. В руках у него был сверток поменьше. Он ничуть не вспотел, и казался отрешенным и незаинтересованным.

Женщине было за сорок. Толстая и очень смуглая, в черной юбке, белом свитере и остроносых туфлях. Свертка у нее не было, зато был транзистор. Она выглядела очень усталой, лицо покрывали большие капли пота.

Когда я подошел, женщина и мужчина помоложе попросили меня подвезти их. Я показал на полностью загруженное заднее сиденье и сказал, что в машине нет места. Тогда мужчина сказал, что если я поеду не слишком быстро, то их вполне устроит задний бампер. Кроме того, они могли бы устроиться на капоте.

Я сказал, что это несерьезно. Однако по их тону чувствовалось, что для них это очень важно. Мне стало неловко, и я дал им денег на автобус. Мужчина помоложе взял деньги и поблагодарил, однако второй неприязненно отвернулся.

– Я хочу, чтобы он нас подвез, – сказал он, – деньги меня не интересуют.

Потом он обратился ко мне:

– У тебя есть вода или что-нибудь поесть?

Но у меня не было продуктов, а воды больше не осталось, и предложить им было действительно нечего. Они еще немного постояли, глядя на меня, потом повернулись и пошли по дороге. Я сел в машину и попытался запустить двигатель. Но он не работал – была страшная жара, и я, должно быть, перекачал бензин. Услышав жужжание стартера, мужчина помоложе остановился, а потом вернулся к машине и встал сзади, готовый ее подтолкнуть. Я почувствовал себя страшно неудобно и даже вздохнул с неподдельным отчаянием. Наконец, двигатель заработал, и я укатил прочь.

После того, как я закончил свой рассказ, дон Хуан долго молчал.

– Почему ты не говорил мне об этом раньше? – спросил он, не глядя на меня. Пожав плечами, я ответил, что никогда не считал этот случай чем-то важным.

– Это чертовски важно, – сказал он. – Висенте – первоклассный маг. Он дал тебе что-то посадить потому, что у него были на то основания. И если ты встретил трех человек, которые выскочили из ниоткуда сразу после того, как ты посадил растение, то этому тоже была своя причина. И только такой непроходимый тупица, как ты, мог не обратить на это внимания и считать, что ничего особенного не произошло. – И он велел как можно подробнее рассказать обо всем, что происходило в тот день, когда я был у Висенте.

Я начал рассказывать, как, проезжая через город, оказался возле рынка. Мне пришла в голову мысль поискать донна Висенте. Я остановился, вылез из машины и пошел через рынок туда, где торговали лекарственными травами.

В ряду было три прилавка, но за ними сидели толстые матроны. Я дошел до конца прохода и за поворотом обнаружил еще один прилавок. За ним сидел хрупкий седой человек. Когда я его увидел, он как раз продавал какой-то женщине клетку для птиц. Я подождал, пока он освободится, а затем поинтересовался, не знает ли он донна Висенте Медрано. Он смотрел на меня, не отвечая.

– Что вам нужно от Висенте Медрано? – спросил он наконец.

Я сказал, что пришел навестить его от лица моего друга, и назвал ему имя донна Хуана. Старик секунду смотрел на меня, а затем сказал, что он и есть Висенте Медрано и что он к моим услугам. Потом предложил мне сесть.

Он казался очень довольным, вел себя свободно и дружелюбно. Я рассказал ему о своей дружбе с доном Хуаном. Чувствовалось, что между нами сразу же возникла взаимная симпатия. Дон Висенте сказал, что знаком с доном Хуаном с тех пор, как им обоим было по двадцать лет. Он исключительно хорошо отзывался о доне Хуане, а в самом конце разговора произнес с дрожью в голосе:

– Хуан – истинный человек знания. Сам я очень мало занимался силами растений. Меня всегда больше интересовали их лечебные свойства. Я даже собирал книги по ботанике, которые продал лишь недавно.

Он немного помолчал, потирая подбородок и как бы подбирая подходящее слово:

– Можно сказать, что я – человек лирического знания, – сказал он. – Другое дело Хуан – мой индейский брат...

Дон Висенте помолчал еще с минуту. Застывшим взглядом он уставился в землю слева от меня. Потом повернулся ко мне и сказал почти шепотом:

– О, как высоко парит мой индейский брат!

Дон Висенте поднялся. Разговор, казалось, был окончен. Если бы кто-то другой заявил нечто подобное насчет «парящего индейского брата», я счел бы это штампом, сентиментальной дешევкой. Однако дон Висенте сказал это так искренне и с таким ясным взглядом, что я был прямо-таки заморожен образом индейского брата, который парит так высоко...

Я был уверен, что он говорит совершенно серьезно.

– Лирическое знание. Как же! – воскликнул дон Хуан, когда я рассказал ему все. – Висенте – брухо. Какого черта ты к нему пошел?

Я напомнил, что он сам советовал мне побывать у донна Висенте.

– Какая чушь! – очень выразительно сказал он. – Я тебе говорил, что когда-нибудь, после того, как ты научишься видеть, тебе полезно будет познакомиться с моим другом Висенте. Вот что я говорил. А ты пропустил это мимо ушей.

Я пытался возражать, говоря, что дон Висенте не сделал мне ничего дурного, и что я был просто очарован его манерами и добротой.

Дон Хуан pokrутил головой и полушутливым тоном выразил свое крайнее изумление по поводу того, что он назвал «хранящим меня везением». Он сказал, что мой «поход» к дону Висенте выглядит примерно так же, как если б я забрался в клетку со львами, вооружившись хворостинкой.

Дон Хуан казался возбужденным, хотя я не видел никаких причин для беспокойства. Дон Висенте прекрасный человек. Он выглядел таким хрупким, даже почти эфемерным, наверное, из-за странно призрачных глаз.

Я спросил донна Хуана, каким образом такой замечательный человек мог быть опасным.

– Ты чертовски глуп! – сказал он, жестко взглянув на меня. – Конечно, сам он не делает тебе ничего плохого. Но знание – это сила. И если человек встал на путь знания, то он

большие не отвечает за то, что может случиться с теми, кто вступает с ним в контакт. Отправляться к Висенте тебе следовало только после того, как ты будешь знать достаточно, чтобы обезопасить себя. Обезопасить не от него, а от той силы, которая на него работает и которая, кстати, не принадлежит ни ему, ни кому-либо другому. Узнав, что ты – мой друг, и решив, что ты знаешь достаточно, чтобы защитить себя, он сделал тебе подарок. Ты явно ему понравился, и он сделал тебе великолепный подарок, на который ты наплевал. Какая жалость!..

– Я рад произведенному эффекту! – Толкачев широко улыбался. – Лично я не сомневаюсь: вы знаете произведения Кастанеды почти наизусть. И уже вспомнили соответствующие главы, в которых он рассказывает о союзниках. Но если вы все же забыли, я вам сейчас напомню.

Замдекана вынул из портфеля толстую книгу, открыл ее на соответственной странице и громким голосом принялся читать:

– Когда ты на что-нибудь смотришь, ты не видишь. Ты просто констатируешь наличие чего-то определенного. Поскольку тебя не интересует видение, вещи, на которые ты смотришь, каждый раз выглядят для тебя более или менее одинаковыми.

Но когда ты видишь, вещи никогда не бывают одними и теми же, и в то же время это те же самые вещи. Например, я говорил тебе, что человек выглядит, как яйцо. Каждый раз, когда я вижу одного и того же человека, я вижу яйцо. Но это не то же самое яйцо.

– Да, но если вещи никогда не бывают одними и теми же, то они неузнаваемы. Какой тогда смысл учиться видению?

– Чтобы различать. Видение – это восприятие истинной сущности. Когда видишь, воспринимаешь то, что есть в действительности.

– Значит ли это, что я не воспринимаю то, что есть в действительности?

– Не воспринимаешь. Твои глаза приучены только смотреть. Вот, к примеру, те трое мексиканцев, которых ты встретил на дороге. Ты запомнил их очень хорошо, даже описал мне их одежду, но это лишний раз подтверждает, что ты их не видел. Если бы ты мог видеть, ты бы сразу понял, что это – не люди.

– Что значит не люди? А кто же тогда?

– Не люди и всё.

– Но этого не может быть. Это были такие же люди, как мы с тобой.

– Нет. И я в этом абсолютно уверен.

– Что – призраки, духи или, может, души умерших?

Дон Хуан ответил, что не знает, кто такие призраки, духи и души.

Я взял в машине Вэбстеровский словарь современного английского языка и перевел ему то, что там по этому поводу говорилось:

«Призрак – предполагаемый бестелесный дух умершего человека. Считается, что призрак является живым людям в виде бледного полупрозрачного видения». И насчет духов: «Дух – сверхъестественное существо..., под духами обычно понимаются призраки или подобного рода существа, обитающие в определенной местности и обладающие определенным (добрым или злым) характером».

Дон Хуан сказал, что тех троих можно было бы, пожалуй, назвать духами, хотя прочитанное мной определение не совсем им подходит.

– Может, это что-то типа хранителей? – спросил я.

– Хранителей? Нет, они ничего не хранят.

– Тогда наблюдателей? Ну, которые наблюдают за нами и нас контролируют.

– Нет, это просто силы, ни плохие, ни хорошие, просто силы, которых брюхо стремится заставить работать на себя.

– Это союзники, дон Хуан?

– Да, это – союзники человека знания.

Впервые за восемь лет нашего знакомства дон Хуан вплотную подошел к тому, чтобы дать определение союзника. Я просил его об этом десятки раз. Обычно он игнорировал мой вопрос, говоря, что мне и без того отлично известно, что такое союзники, и что глупо спрашивать о том, что и так знаешь. Прямое заявление о природе союзников было чем-то новым, и я решил не упускать случая как следует разобраться в этом вопросе.

– Ты говорил, что союзники содержатся в растениях – в дурмане и в грибах, – сказал я.

– Ничего подобного я не говорил, – убежденно возразил он. – Ты всегда переиначиваешь мои слова на свой лад.

– Постой, но в своей книге я именно так и написал.

– Ты можешь писать все, что хочешь, только не надо мне рассказывать, что якобы я такое говорил.

Я напомнил ему: когда-то он рассказывал мне о дурмане как о союзнике своего бенефактора и говорил, что его собственный союзник – это дымок, а несколько позже уточнил, что в каждом растении содержится союзник.

– Нет. Это неверно, – хмуро заявил он. – Дымок – действительно мой союзник, но это не означает, что союзник содержится в курительной смеси, грибах или трубке. Просто все это вместе позволяет мне до него добраться, а почему я называю его дымком – мое личное дело.

Дон Хуан сказал, что те трое, которых я встретил на шоссе, были союзниками донна Висенте. Тогда я напомнил ему его слова о том, что в отличие от Мескалито, увидеть которого достаточно легко, увидеть союзника невозможно.

После этого мы долго спорили. Дон Хуан утверждал, что, говоря о невозможности видеть союзников, он имел в виду их способность принимать любую форму. Когда я возразил, что о Мескалито он говорил то же самое, он прервал дискуссию, заявив, что «видение», о котором говорит он – это не обычное «смотрение», и что путаница возникает из-за моего стремления все облечь в слова.

Через несколько часов дон Хуан сам вернулся к теме союзников, хотя я молчал, чувствуя, что мои вопросы его раздражают. Он как раз показывал мне, как собирать ловушку для кроликов. Я держал длинную палку, согнув ее как можно больше, а он связывал ее концы прочной бечевкой. Палка была довольно тонкой, но чтобы удерживать ее в согнутом положении, все равно требовались значительные усилия.

Когда он, наконец, закончил, у меня дрожали руки, шея затекла, и мышцы свело от напряжения. Мы сели передохнуть, и дон Хуан сказал, что пришел к выводу, что мне ничего не удастся понять, если я как следует об этом не поговорю. Поэтому он не возражает против того, чтобы я задавал вопросы, и попытается рассказать мне о союзниках все, что сможет.

– Союзник не содержится в дыме. Дым доставляет тебя к союзнику, а когда ты становишься с ним одним целым, тебе уже больше не нужно использовать дым. С этого момента ты можешь управлять своим союзником при помощи воли и заставлять его делать все, что тебе потребуется. Союзники не бывают ни плохими, ни хорошими, это просто силы, которыми маги пользуются по своему усмотрению. Дымок нравится мне за верность и честность и еще за то, что не требует от меня слишком многого.

– Какими ты воспринимаешь союзников, дон Хуан? Для меня они выглядели обыкновенными людьми, по крайней мере, так я их воспринял. Как бы они выглядели для тебя?

– Как обыкновенные люди.

– Но как же тогда их отличить от настоящих людей?

– Люди, когда их видишь, имеют форму светящихся ящ. Союзник в образе человека всегда имеет форму человеческого тела. Именно это я имел в виду, когда говорил, что союзника невозможно увидеть. Союзников невозможно увидеть потому, что они всегда принимают

чью-то форму – собак, койотов, птиц, даже перекасти-поля. Разница в том, что когда их видишь, они сохраняют форму того, чем прикидываются. Понимаешь?

Каждое существо и каждый предмет имеет свойственную ему специфическую форму, когда его видишь. Человек, например, – форму светящегося яйца, другие существа – какие-то свои формы. Только союзники, – и когда их воспринимаешь в обычном режиме, и когда их видишь, – сохраняют одну и ту же форму, которую копируют. Эта форма достаточно совершенна, чтобы обмануть глаза. Я имею в виду глаза человека. Собаку или, скажем, ворону не проведешь.

– Получается, что они нас попросту дурачат. Но зачем?

– Я думаю, мы сами себя одурачиваем. Союзник всего лишь принимает форму чего-то, что есть в окружающем нас мире, а мы, в свою очередь, принимаем его за то, чем он не является. Разве он виноват в том, что мы не умеем видеть, а способны только смотреть на поверхность вещей?

– Мне непонятно их назначение, дон Хуан. Что союзники делают в мире?

– А что люди делают в мире? Я, например, не знаю. Мы существуем и все. Союзники – тоже существуют. Вполне возможно, что они были здесь и до нас.

– А что значит «до нас», дон Хуан?

– Люди не всегда были здесь.

– Где это здесь – в этой стране или в этом мире?

Завязалась длинная дискуссия по этому поводу. Дон Хуан сказал, что для него существует только один мир – та земля, по которой он ходит. Я спросил, откуда он знает, что мы не всегда присутствовали в этом мире.

– Очень просто, – сказал он. – Люди знают о мире слишком мало. Койоты знают намного больше. Видимость вещей никогда не вводит их в заблуждение.

– Хорошо, а как же тогда людям удается их ловить и убивать? – спросил я. – Если их не вводит в заблуждение видимость, почему они так легко умирают?

Дон Хуан молча смотрел на меня до тех пор, пока я не почувствовал смущение.

– Мы можем поймать, отравить или пристрелить койота, – сказал он, – Как бы мы ни убили его, он будет легкой добычей, потому что не знаком с нашими хитростями. Но если койот останется жив, можешь быть уверен, что он так просто уже не попадется. Хороший охотник это знает и никогда не ставит свои ловушки дважды на одном месте. Если койот погиб в капкане, то другие койоты видят его смерть, которая всегда бродит поблизости, и обходят капкан, а возможно и всю эту местность, десятой дорогой. Люди не видят смерти своих собратьев, которая остается там, где они умерли. Человек может что-то смутно чувствовать, однако не видит.

– Койоты видят союзников?

– Конечно.

– А как они выглядят для койотов?

– Чтобы это знать, мне нужно было бы побыть койотом. Но я могу сказать, как выглядят союзники для ворон – нечто вроде колпака, широкое и круглое внизу и острое сверху. Некоторые светятся, но в большинстве случаев они очень тусклые и выглядят тяжелыми. Как мокрая тряпка. Неприятное зрелище.

– А какими видишь их ты, дон Хуан?

– Я же говорил – они сохраняют форму того, чем прикидываются. А принимать они могут любые формы каких угодно размеров – от булыжника до горы.

– Они говорят, смеются, издают какие-то звуки?

– Среди людей они ведут себя как люди, среди животных – как животные. Животные обычно их боятся. Однако если они привыкают к союзнику, то реагируют довольно спокойно.

Люди поступают примерно так же. Ведь среди нас – масса союзников, но мы можем только смотреть, и потому просто не замечаем их.

– Ты хочешь сказать, что некоторые из людей, которых я вижу на улице, не являются людьми? – в замешательстве спросил я.

– Некоторые не являются, – выразительно ответил он.

Его заявление показалось мне полнейшим абсурдом, и в то же время я не мог допустить, что он сделал его только ради эффекта. Я сказал, что это похоже на научно-фантастические истории о пришельцах с других планет. Он заявил, что его мало волнует, на что это похоже, но в уличной толпе иногда попадаются союзники в человеческом облике.

– Почему ты считаешь, что все в толпе обязательно должны быть людьми? – спросил он очень серьезным тоном.

Я не мог объяснить этого ничем иным, кроме привычки, основанной на вере. Он сказал, что ему очень нравится разглядывать толпу и видеть ее как скопление яйцеобразных существ. Но иногда среди множества светящихся яиц нет-нет да промелькнет фигура в форме человеческого тела.

– Весьма занятно, во всяком случае, для меня, – со смехом сказал он. – Мне нравится сидеть в парках или на автостанциях и наблюдать. Иногда сразу же замечаешь союзника, иногда их нет, и повсюду только настоящие люди. Однажды я даже видел двух союзников сразу. Они сидели рядышком в автобусе. Но это был единственный такой случай.

– Этот случай имел для тебя какое-то особое значение? – спросил я.

– Конечно. Все, что они делают, имеет значение. Из их действий маг иногда может извлечь силу. Даже если у брюха нет «своего» союзника, он может управлять силой, если умеет видеть. Для этого он должен следить за действиями союзников. Задолго до того, как я обзавелся своим, мой бенефактор научил меня извлекать силу из действий других союзников. Я разглядывал толпы людей и каждый раз, когда видел союзника, тот меня чему-нибудь учил. Ты встретился сразу с тремя. Какой великолепный урок ты упустил!

Он замолчал и не говорил больше ничего до тех пор, пока мы не закончили собирать ловушку. Потом он повернулся ко мне и неожиданно, как бы вспомнив, сказал, что если встречаешь двух союзников вместе, то они обычно относятся к одному типу и имитируют существо одного пола. В его случае оба были мужчинами.

Я встретил двух мужчин и женщину, так что мой случай был вообще из ряда вон выходящим. Я спросил, могут ли они копировать детей, и если могут, то какого пола; могут ли они принимать формы людей разных рас или, скажем, семьи из трех человек – мамы, папы и ребенка. И, наконец, я спросил, не видел ли он союзника за рулем автомобиля или автобуса.

Дон Хуан молча слушал мою болтовню, но в ответ на последний вопрос весело рассмеялся. Он сказал, что я неточно формулирую вопросы. Надо было спросить, не видел ли он когда-нибудь союзника за рулем транспортного средства.

– Разве мотоциклы тебя не интересуют? – ехидно прищурившись, спросил он.

Его насмешка была добродушной, и я засмеялся вместе с ним. Затем он объяснил, что союзники не в состоянии ни на что воздействовать и ничем управлять непосредственно, однако могут действовать косвенно, влияя на людей. Соприкасаться с союзниками опасно, потому что они способны вывести на поверхность все худшее в человеке. Путь ученичества так долог и тернист, потому что прежде чем входить в контакт с этими силами, человек должен исключить из своей жизни все лишнее, все, что не является жизненно необходимым, иначе ему не выдержать столкновения с ними.

Дон Хуан сказал, что союзник при первой встрече заставил его бенефактора сильно обжечься, причем шрамы остались такие, словно тот побывал в лапах у горного льва. Самого дона Хуана союзник загнал в тлеющий костер, и он обжег себе колено и спину возле лопатки. Но после того, как он стал одним целым с союзником, шрамы постепенно исчезли...

Глава шестая. Первое знакомство

– Странно мне это, – Кирилл с Натальей сидели у нее на кухне и обсуждали волнующее известие: «К нам едет ревизор!». В смысле: скоро каждый из них познакомится со своим союзником.

– Странно мне это, – еще раз повторила Наталья. – Насколько я знаю, союзник – действительно могучая внешняя сила, которая с легкостью может высосать жизненные силы неудачливого мага. И у Кастанеды сказано, что перед тем, как заполучить союзника, маг должен учиться, учиться и учиться. И становиться сильнее, сильнее и сильнее. Прежде всего для того, чтобы союзник его не сожрал. А нам предлагают на четвертом курсе (то бишь только через три года обучения) обзавестись союзником. Неужели преподавателям не страшно, что от нас могут остаться только рожки да ножки?

– Думаю, им-то как раз не страшно. Страшно должно быть нам. Поскольку ведь это нас раздерибанят в пух и прах. Но ты же потомственная шаманка. Ты, по идее, уже должна была общаться с подобными силами – тысячу раз общаться. У тебя, вообще, уже должно быть за пазухой минимум три союзника!

– Шутишь? – Наталья криво усмехнулась. – Да знаешь ли ты, сколько силы нужно, чтобы держать это чудо, как ты выразился, за пазухой? Это ведь не ручная кошечка или собачка. Или хомячок. У нас считается, что если у шамана есть собственный союзник, он становится по выражению Дона Хуана «брухо». У нас применяется другое слово, но смысл одинаков.

– Ну и в чем разница между «брухо» и обыкновенным магом?

– А в чем разница между боксером-тяжеловесом и интеллигентного вида мужичком с бутылкой в руке? В способности причинить вред. В способности показать силу. Союзник уважает только силу, мало того, он этой силой питается. И если у тебя есть сила, но ты не способен ее оберегать, ты станешь кормом. Он обдерет тебя, как липку, и пойдет к другому. Союзников привлекает особый вид энергии. Наверное, ты читал об этом у Кастанеды?

– Наверное, читал. Но особо не запаривался, поскольку, ну какие могут быть у нас союзники? А тут вот, оказывается, что!

– Да уж, – Наталья зябко передернула плечами. – После randevu с Толкачевым мне как-то не по себе. Я уже представляю, как меня будут медленно лишать энергии!

– Да ладно ты. Вспомни Палача и его методы. Если уж мы такой напор потусторонних созданий выдержали, с одним союзником как-нибудь справимся. Лично я уверен, что справлюсь.

– Мне бы твою уверенность! – в голосе Натальи чувствовалась подавленность. – Хочется верить, что она основана на реальных знаниях, а не на пустом кураже, который у вас, у мальчиков, проявляется постоянно. Но давай лучше поговорим о Варе.

– О Варе? А что с ней опять?

– А ты не знаешь? – Наталья всплеснула руками. – Мается наша девушка, не находит себе места. Хоть и выглядит спокойнее, чем прежде. И общественность поручила мне разузнать: ты что-нибудь предпринял?

– В смысле?

– В смысле прямом! Не делай вид, что не догоняешь, о чем я говорю! Мы ведь знаем, что тебя попросили замолвить словечко о Варе перед влиятельными людьми. И у меня сразу несколько вопросов: во-первых, ты замолвил или нет, и во-вторых, как так получилось, что у тебя есть такая возможность? И скажи еще, что общаешься с министрами и депутатами!

– Да какие там министры! – скривился Кирилл (сделав все возможное, чтобы Наталья приняла его ответ за чистую монету). – Где я, а где они. Так, через МИД закинул удочку – вдруг клюнет?

– Ну-ну, – Наталья скептически хмыкнула. – Что ж. Поверю тебе на слово, хотя если честно, мне бы ты мог рассказать всё. И не думай, что я в свою очередь это кому-то разболтаю. Клянусь, сохраню тайну!

– Да я бы рассказал, если бы было что, – Кирилл поднялся. – Ну ладно, мне пора. Засиделся, а времени-то нет...

* * *

– Интересно, что будет, если, не дожидаясь пинка от Толкачева, познакомиться с союзником самому? – Кирилл вернулся к себе, искренне радуясь, что Наталья не стала его сильно допытывать. И ему не пришлось изворачиваться и врать – он этого не любил. Ему и с родителями секретности хватало! – После удачного завершения разговора чувствую в себе силы и энергию попробовать. Шутка.

– Хотя почему шутка? – минут через десять Кирилл – после того как умылся и почистил зубы – спросил сам себя. – А что, если лечь на кровать, войти в состояние взаимодействия с Силой и позвать союзника? На кровати меня никто одолеть не сможет – она же моя. Снова шутка.

Он достал плед из шкафа и взбил подушку. Подумал немного и отложил подушку в сторону – если лежать на спине, голове удобнее. А поза на спине – самая лучшая, чтобы не уснуть. Лежа таким образом, проваливаешься в кратковременный сон, это да. Но зато и быстро просыпаешься. Во время сна «точка сборки» (или позиция восприятия) сдвигается сама собой, и намного легче переместить ее в область обитания союзников.

– А то, что мне придется ее переместить, в этом никакого сомнения нет, – сделал вывод Кирилл, подключив *видение*. – А потом изъявить желание познакомиться и ждать, пока кто-нибудь откликнется на зов. А потом соблазнить этого кого-нибудь на время вырваться из привычной среды обитания и прийти сюда – в нашу реальность. И по силам ли мне такая задача? Не останусь ли я у союзников навсегда?

Останусь или не останусь – этого Кирилл сказать не мог. Определенно, вероятность неудачного исхода присутствовала, и она была очень высокой. Поэтому ему предстояло решить: оправдан риск самостоятельного путешествия к союзникам – или лучше подождать помощи от Факультета?

– При здравом размышлении, он (то бишь я) решил выбрать второе. Не потому, что я трус или боюсь, а потому что так поступают Воины Силы – если они понимают, что проблема не по плечу, они просто отходят в сторону. Никогда не стоит забывать, что в мире есть существа намного могущественнее нас. И оказаться на раздаче у этих существ – врагу не пожелаешь.

Кирилл почувствовал пробежавший мороз по коже. Безусловно, его настройка на союзников уже привлекла их внимание, и они чувствовали «шевеление» пространства. Но так как он не изъявил желание познакомиться поближе, их реакция была равнодушно-сдержанной.

– Нафиг вас, ребята! – Кирилл закутался в плед, а потом спрятался под него с головой – как в детстве. – Что-то мне это сильно напоминает. Ага – «Призрака пять» Роберта Шекли.

– Автопилот справится сам, – успокоил его Арнольд. – А вот что нам делать с этим страшилищем?

Тут они заметили легкий дымок, который начал просачиваться через герметичную щель между дверью и перегородкой.

– Что это? – спросил Арнольд, в его голосе слышались панические нотки.

– Разве ты не помнишь? Ворчун может пройти в любую дверь. Ничто не в силах его остановить.

– Я ничего о нем не помню. Он ест людей?

– Нет, насколько мне известно, он разрывает их на части.

Дымок начал обретать очертания серой фигуры Ворчуна. Партнеры ретировались в следующий отсек и закрыли за собой дверь. Через пару секунд они вновь увидели дымок.

– Это нелепо! – возмущился Арнольд. – Бегать от воображаемого чудовища! Постой, у тебя же есть водяной пистолет, не так ли?

– Да, но...

– Дай его сюда!

Арнольд подбежал к крану и, наполнив пистолет водой, выстрелил в появившегося Ворчуна. Но струя воды его не остановила, и они едва успели скрыться за дверью. Для отступления оставалась лишь крошечная спальня с двумя койками, за стенами которой начинался открытый космос.

– Теперь я вспоминаю, – сказал Грегор. – Водяной пистолет никогда не мог остановить Ворчуна. Неужели ничего нельзя сделать с воздухом?

Арнольд покачал головой:

– Конечно, воздух обновляется. Но действие лонгстида-42 продолжится еще часов двадцать.

– Ты не можешь его нейтрализовать?

– Нет.

Ворчун вновь материализовался перед ними.

– Как нам его уничтожить? – спросил Арнольд. – Должен же быть способ! Волшебные слова? Или деревянный меч?

– Ворчуна нельзя убить, – ответил Грегор. – Против него бессильны водяные пистолеты, ружья с пистонами, рогатки и прочее детское оружие. Ворчун абсолютно неуязвим.

– Этот Флинн и его проклятое воображение! И зачем мы только заговорили о нем! Что же нам теперь делать?

Ворчун снова стоял перед ними. Арнольд и Грегор поспешили в спальню и захлопнули последнюю дверь.

– Вспомни, Грегор, – молил Арнольд. – Ни один ребенок не может придумать чудовища, против которого нет защиты. Вспомни!

Дымок в спальне постепенно трансформировался в серое страшилище. Грегор лихорадочно вспоминал ночные кошмары детства. Ведь ребенок всегда находит способ справиться с неизвестным. И наконец в последний момент он вспомнил....

Под управлением автопилота корабль мчался к Земле. Ворчун был здесь полновластным хозяином. Со стонами, ворчанием и ругательствами он слонялся по пустым коридорам, заглядывал в жилые каюты и отсеки с оборудованием и нигде не мог найти свои жертвы.

Достигнув Солнечной системы, корабль вышел на окололунную орбиту. Грегор осторожно выглянул наружу, готовый тут же юркнуть обратно. Ни стонов, ни проклятий, ни легкого дымка под дверью.

– Все чисто, – сообщил он Арнольду. – Ворчуна больше нет.

Арнольд высунул голову из-под одеяла, прекрасной защиты против ночных кошмаров, и сел на койке.

– Я же говорил тебе, что водяной пистолет нам не поможет, – сказал Грегор.

Арнольд слабо улыбнулся и положил пистолет в карман:

– Я хочу сохранить его. Когда у меня родится сын, эта игрушка станет его первым подарком.

– Нет, я с тобой не согласен. – Грегор с любовью погладил койку. – Ничто не сможет защитить ребенка лучше, чем натянутое на голову одеяло...

– Ничего не сможет защитить ребенка лучше, чем натянутое на голову одеяло, – пробормотал Кирилл. – И не только ребенка, но и вполне себе половозрелого амбала, которому вдруг захотелось познакомиться с союзниками. Вот я придурок!

Лежа под пледом, Кирилл усиленно задышал, полностью переключив внимание на дыхание. Постепенно в голове прояснялось, и он смог на уровне ощущений послать в Бесконечность сигнал: «Пока он не готов». Бесконечность приняла его послание, и союзники отступили. И вскоре Кирилл уснул.

* * *

– Нисколько не сомневаюсь, – Толкачев смотрел на аудиторию, широко улыбаясь. – Некоторые из вас уже попробовали установить контакт с союзниками, и я даже знаю, кто конкретно. В этом нет ничего необычного, но меня интересует результат. Как прошло, что получилось? Ну, расскажете нам о своем опыте?

Замдекана подошел к Алексею и легонько коснулся его плеча:

– Не хочешь быть первым?

Алексей медленно встал. Кирилл обратил внимание: тот явно чувствует себя не в своей тарелке.

– Не стесняйся, – дружески напутствовал его Толкачев. – Не ты первый, не ты последний. Ты просто начинаешь.

– Ну, – промямлил Алексей, – я, как вы уже знаете, попробовал. Но сразу же получил по башке. Простите, по голове получил. Мерзкое чувство – словно меня, как шелудивого щенка, взяли, потрясли и выбросили за порог. Попутно изъязв всю мою энергию для собственных нужд. И я даже не уверен, были ли эти существа союзниками или же кем-то другим.

Алексей смущенно замолчал, и Толкачев движением руки усадил его на место.

– Нормальный, вполне предсказуемый результат, – констатировал он. – Конечно, у каждого из вас по-отдельности недостаточно сил, чтобы иметь дело с такими могущественными существами, и потеря энергии в данном случае – еще не самый худший результат. Все могло закончиться намного печальнее. И, Алексей, радуйся, что тебя просто вышвырнули – если ты как следует позанимаешься, увидишь: ты должен радостно поблагодарить за урок. И сказать самому себе: «Я сделаю правильные выводы и впредь буду осмотрительней и аккуратней». Теперь ты, Вадим!

– Да у меня, в принципе, то же самое. И добавить нечего, – ответил Вадим, не вставая с места.

– А ты все же добавь. И встань, пожалуйста. Когда стоишь, волей-неволей собираешься, а собранность после randevu с союзниками не помешает.

– Опыт Алексея – мой опыт, один в один. Я тоже решил попробовать, сдвинул восприятие в нужную точку пространства, и на меня мгновенно напало несколько существ. Нет, не напало, ринулось – они, видимо, хотели познакомиться, но я воспринял их желание, как агрессию. Меня вдруг такой страх обуял, мама дорогая! Ну, я и поспешил ретироваться – причем даже убегая, чувствовал, как их ручонки жадно тянутся за мной.

– Да, – Толкачев довольно крякнул. – Обороты речи у тебя занятные, мог бы, между прочим, и в более уважительном тоне говорить о существах Силы. Тебе нужно учиться уважать других. А то обязательно попадешь в неприятную историю – не говоря уж об общем восприятии тебя самого со стороны окружающих. Садись, чего уж там! Кирилл, а ты что скажешь? Тебе удалось познакомиться с союзниками?

– Нет. После первой попытки – нужно заметить, не очень умной – я *увидел*, что самому этого делать не стоит, а лучше дожидаться помощи. И поступил в соответствии с *видением*. Но

мне все же пришлось забраться под одеяло с головой, чтобы освободиться от навязчивого внимания союзников.

– Значит, воспользовался самым надежным способом? – Толкачев удовлетворенно кивнул. – Звучит смешно, но одеяло в магии играет роль полноценного магического круга. С ее помощью (и с помощью ощущений, конечно) можно сказать пространству, что тебя не взять – просто завернувшись с головой. Дети, кстати, в совершенстве освоили этот прием и пользуются им, не задумываясь. А вот взрослые почему-то игнорируют. Хотя о чем я говорю? Взрослые вообще магию игнорируют, считают, что ее нет на свете. И сильно ошибаются.

Толкачев замолчал. Поднял глаза к потолку, как будто что-то пытается рассмотреть:

– Ладно, – резюмировал он. – Продолжать не будем. Общий итог понятен. Ни у кого ничего не получилось, хотя пытались. А потому что нужно было пробовать объединенными усилиями. Я рекомендую вам разбиться на пары или на тройки и повторить опыт общения с союзниками. Можете это сделать после занятий...

* * *

– Ну что, начнем? – Кирилл сел между Натальей и Сиреной, собираясь и настраиваясь. – Надеюсь, вы готовы?

– Подожди! – на Наталье не было лица. – Дай мне еще минут десять. Куда ты торопишься?

– Куда-куда? Да мы уже полчаса потратили, а результата никакого. И чего, собственно, ты так боишься-то? Мы же вдвоем, а наша утроенная энергия и утроенное намерение, я думаю, союзникам не по зубам.

– Ах, ты так думаешь! – Наталья свирепо щелкнула зубами, и Кирилл отметил, что сейчас она сильно похожа на дикую снежную кошку. – А я вот точно знаю, что нас ждет, и совсем не уверена, что мы вернемся оттуда в целостности и сохранности. Поэтому и волнуюсь.

– Волнение – это нормально, – Сирена, сидевшая по левую руку от Кирилла, выдула большой пузырь bubble gum – Я даже думаю, что волноваться – это правильно. Но ведь ты, Ната, не волнуешься. Тебе страшно – аж поджилки трясутся.

– Да, мне страшно. Не спорю. И я прошу дать мне еще времени, чтобы справиться со своими страхами.

– Время, время, – Кирилл почувствовал все возрастающее раздражение, которое грозило разрушить всю настройку на Силу. – Всё, хватит! Мне надоело. – Он быстро сместил восприятие в область пространства, населенную союзниками, попутно захватив с собой восприятие Натальи и Сирены. На удивление, это получилось очень легко – он даже сам удивился. Мимолетно – поскольку особо удивляться было некогда.

Как только они «вломились» к союзникам, те мгновенно отреагировали. Но не так, как предполагала Наталья. Союзники предпочли держаться от «взбешенной» троицы магов подальше, решив не тратить на Кирилла, Наталью и Сирену свою энергию. И только один из них (самый могущественный) пошел на контакт. Выбрав для этого Кирилла.

– Приветствую тебя! – Кирилл воспринимал его «голос» прямо в голове. Голос был гулким и спокойным, наполненным безразличной силой.

– Привет! – Кирилл ответил ощущениями, но перевести их можно было именно так. – Мы без спроса, но не воспринимайте нас, как врагов. Мы просто хотим познакомиться.

– Что ж. Это ваше право, – констатировал «главный» союзник. – Смотрите, сколько хотите. – И он начал дрейфовать в сторону.

– Постой! – «крикнул» Кирилл ему вслед. – И это всё? Выходит, мы вам совсем не интересны?

– А почему вы должны быть нам интересны? – «главный» союзник немного притормозил. – Человек, запомни на будущее. Нам интересна только энергия. А вы не хотите ее отда-

вать. Поэтому и говорить не о чем. Или у вас есть дополнительный источник энергии, который вы можете нам предложить? Есть?

– Нет! – признался Кирилл. – И, честно говоря, мы об этом даже не думали.

– Ну, так подумайте. И возвращайтесь, когда будете готовы...

* * *

– Так просто? – Наталья выглядела обескураженной. – Просто им нужна энергия, и выходит, они – обычные паразиты? А сколько пафоса, сколько высоких слов. «Союзники» блин!

– А чего ты хотела? – Кирилл усмехнулся. – Похоже, ты забыла простую истину: «Если человек приходит к тебе, значит, ему от тебя что-то нужно». И почему взаимоотношения с существами тонкого плана должны чем-то отличаться от человеческих взаимоотношений? По сути одно и то же. Только без всяких хитростей – ведь на тонком плане существует лишь одна универсальная валюта: энергия. Можешь дать существам энергию – только сообщи! С радостью набегит целая толпа и сделает всё, что скажешь. Не можешь или не хочешь – твое право. Но тогда не надейся, что кто-то с тобой будет взаимодействовать.

– Хватит читать лекцию. – Наталья состригла обиженную гримасу. – Я это и так знаю, только, вероятно, была введена в заблуждение рассказами шаманов и Кастанедой. Их трактовка поведения союзников совсем другая – они, прямо, какие-то сверхмогущественные мистические существа.

– Они и есть могущественные существа, мне кажется. Могущественные и сильные. И чтобы их вызвать, должен существовать договор между человеком и союзником. Согласно которому человек дает союзникам то-то и то-то, а получает то-то и то-то. Взаимовыгодный обмен, так сказать. К примеру – ведьма, связанная с союзниками, периодически подбрасывает им жертву или жертвы. Жертву можно высосать сразу или доить постепенно, лишая энергии. Ну, а союзники ставят подклучки – чтобы жертва не соскочила. А ведьма берет за это живые деньги. Как-то так.

– В твоём изложении всё это звучит примитивно. – Пока Кирилл говорил, Наталья заметно успокоилась и даже порозовела. – Примитивно, но логично. И я даже благодарна тебе – за то, что ты взял меня в путешествие. Как, кстати, тебе это удалось?

– Да – как? – Сирена, сидевшая рядом с закрытыми глазами, решила поддержать подругу. – Мое восприятие сдвинулось мгновенно – я даже не увидела момент перехода. А для этого нужна большая сила. Откуда она у тебя?

– Понятия не имею, – Кирилл говорил убежденно. – Думаю, что всё устроила Сила, поскольку наступил подходящий момент. Думаю, мы все были готовы совершить прыжок в неизвестное и сформировали готовностью намерение. А Сила претворила наше намерение в конкретное действие – вот и всё.

– Да, скорее всего, ты прав, – резюмировала Наталья, поднимаясь. – Обидно только, что всё так просто. Лично для меня с момента начала обучения у шаманов союзники были – ну как дедушка Ленин для советских пионеров. Чем-то невероятно страшным, невероятно могущественным, чем-то таким, до чего в принципе невозможно дотянуться. Оказалось по-другому.

– А мне кажется, ты должна радоваться, что по-другому. В противном случае нас бы сожрали и выплюнули бы косточки. – Сирена тоже поднялась. – Ладно, пойдем уже. Завтра рано вставать.

– Подождите, – остановил их Кирилл. – У меня появилась одна интересная мысль. А почему бы нам не договориться с союзниками на будущее?

– Это как это? – Наталья остановилась. – Поясни!

– Да очень просто. Заключить некий «договор о намерениях» – союз, если хотите.

– Не думаю, что у нас получится, – в голосе Натальи звучало сомнение. – Во-первых, нам им нечего предложить, а во-вторых, и это самое главное, вряд ли мы сможем попасть в ту же точку пространства, что и в прошлый раз, и встретиться с теми же самыми существами. Или ты забыл, что темное море бесконечности никогда не бывает тем же самым? Как ты их отыщешь, спрашивается? Без точных координат? Которых, кстати, нет и быть не может?

– Ну, почему же нет? – Кирилл улыбнулся. – Координаты, как раз остались. И координаты эти – скрытое желание союзника подружиться с нами. Желание действительно скрытое, но оно есть. Я вижу его, как тоску. Тоску по настоящему другу, по настоящим друзьям. И я хочу предложить ему дружбу – в энергетическом смысле, конечно. Поэтому давайте-ка возьмемся за руки, друзья! Ненадолго. И я надеюсь, Ната, ты уже не боишься?..

Глава седьмая. Новая роль

В одно прекрасное утро Кирилл проснулся у себя в комнате в половину седьмого утра, по привычке констатировал, что за окном темно и мерзко (хотя окна, конечно, у него не было), и поплелся на кухню. За оставшиеся два часа до начала занятий перед ним стояла задача подготовиться к коллоквиуму по экономике.

– Блин! – он налил чаю, сделал пару бутербродов и с отвращением посмотрел на толстый конспект лекций. – Дисциплина, вроде, левая, но так много материала. И еще вопрос: зачем мне, инженеру, вникать во весь этот экономический бред? Как будто у нас в стране не хватает экономистов и юристов?

Конспект лекций, к которому обращался Кирилл, молчал. Да и что было отвечать – вопрос ведь риторический. Кирилл со вздохом открыл первую страницу, настраиваясь на долгое и нудное чтение, но вдруг его как молния пронзило *видение*: сегодня на учебу он не попадет. Видение было очень сильным и конкретным, так что Кирилл ни на секунду не сомневался в его правильности.

– И что это значит? – он посидел минуту, прислушиваясь к своим ощущениям. После того, как *видение* ушло, ощущения не говорили ничего конкретного. – Пространство молчит, а посему оставим событиям право развиваться своим чередом и займемся, собственно, экономикой. Всё равно учить и всё равно сдавать – сегодня или на следующий день, без разницы. Впрочем, стоп! – Кирилл поднялся. – Соберу-ка я лучше командировочную сумку – на всякий случай.

С недавних пор командировочная сумка (средних размеров, синяя, фирмы NIKE) являлась для Кирилла обязательным дежурным атрибутом. В ее чреве хранились рубашки, носки, полотенце, бритвенный набор, мыло, шампунь, чистая смена белья, парочка зарядок для телефона, несколько флэшек, электронная книга и прочие мелочи – на случай внезапного отъезда.

Кирилл вытащил сумку из шкафа, проверил содержимое, удостоверился, что всё на месте (хотя – а куда оно денется?), потом достал из холодильника пачку печенья, банку «Пепси» и кинул в сумку. За печеньем и «Пепси» отправился толстый журнал «Вокруг света» – Кирилл давно хотел почитать, но времени не было:

– В самолете пригодится! – он хмыкнул. – А может, не в самолете, в танке – вдруг меня покатают на танке? Или на тачанке? Вот бы было прикольно – прокатиться на такой – чапаевской. С пулеметом – всё как положено. Кстати, не подать ли Щербеню идею – типа развлекать иностранных дипломатов экскурсией по памятным местам на аутентичных тачанках? Чтобы искомые дипломаты не держали зуб на Россию и руководство страны, а сделались такими милыми, потешными душками. Ну чисто лошариками...

Кирилл не договорил – его прервал телефонный звонок. Щербень.

– Недоброе утро! – поприветствовал Павел Иванович своего протеже. – Утро недоброе, поэтому буду краток. Приказ – прибыть ко мне. С вещами на выход. Прибудешь, получишь дальнейшие инструкции.

– Слушаюсь! – Кирилл улыбнулся. *Видение* его не обмануло, и это хорошо. А плохо то, что опять неизвестно, сколько времени будет потрачено впустую, и опять, как и сто раз до этого, ему придется догонять, догонять, догонять. А он ведь не железный, силы у него не бесконечны. – Цивильная одежда подойдет?

– Да, подойдет. Жду. – Щербень отключился.

– Вот и поговорили. Душевно так, с чувством, толком, расстановкой. – Кирилл посмотрел на часы. Десять минут восьмого. – Самый час-пик, пока доеду, в метро мне все ребра переломают...

Как и предполагалось, из подземки он выбрался изрядно потрепанный. Утренняя толчея – это не шутка. Массы ломятся в вагоны, а после выносят тебя из вагона, и ты – как песчинка в бурном людском потоке, который подхватывает и несет. И если вдруг остановишься, собьют. Или минимум обматерят и испинают – чтоб знал место и направление.

– А ведь мне в скором времени предстоит такое счастье, – Кирилл выскочил на свежий воздух и бодрой рысью рванул к высотке МИД, размышляя на ходу. – Каждый день ездить на работу к девяти. Либо на метро (брр!), либо на машине (брр еще круче!). В метро тебя толкают и давят, на машине – два часа в одну сторону за счастье. Продаться что ли американцам, чтобы жить в пригороде Лос-Анджелеса и, как человеку, ходить на работу пешком?

– Отставить, старший лейтенант ФСБ Раевский! – буркнул под нос Кирилл, а потом громко заржал, чем привлек внимание проходящих мимо прохожих. – Если кто-нибудь хотя бы заподозрит, что ты рассматриваешь вопрос «перебежать или нет», закопают не только тебя, но и всю твою семью – вместе с дедушками и бабушками, вместе с кошечками, собачками и аквариумными рыбками.

– Да уж, – Кирилл мрачно дернул головой и перестал улыбаться. – Не забывай, парень, где ты учишься. Не забывай, что люди, тебя окружающие, запросто могут тебя прочитать. Если не мысли, то твои намерения – так уж точно. Поэтому помолчи, соберись и лучше ни о чем не думай – по крайней мере, пока мистер Щербень не огорошит тебя каким-нибудь нелепым поручением.

* * *

К удивлению Кирилла Павел Иванович ждал его в вестибюле высотки. Такого еще никогда не случалось, и Кирилл напрягся.

– Ты почему так долго? – завидев Кирилла, Щербень быстро подошел к нему. – Я рассчитывал, что ты прибудешь минут на десять раньше. Следуй за мной – и чтоб никаких вопросов!

Кирилл молча двинулся вслед за генералом, отмечая все признаки сумбура, царившие в это ненастное утро в МИДе. Чем они были вызваны, он не знал, но, судя по всему, причина была.

«Война у них что ли опять начинается? – тоскливо размышлял Кирилл. – Типа, каждый год осеннее обострение и всё такое? А родителям мне позвонить дадут? Или сразу в бункер законопатят? И кстати, эти секретные дипломаты-военные способны хоть на какое-то разнообразие? Ведь постоянно одно и то же. Одно и то же. Непрекращающийся депресняк».

Они вышли во внутренний двор и загрузились в машину.

«Точно – опять в бункер! – Кирилл подавил в себе желание выругаться вслух. – И в ту же самую каморку папы Карло. Где тебя, Кира, заставят смотреть на разворачивающиеся авианосные соединения США возле берегов Корейской Народно-Демократической Республики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.